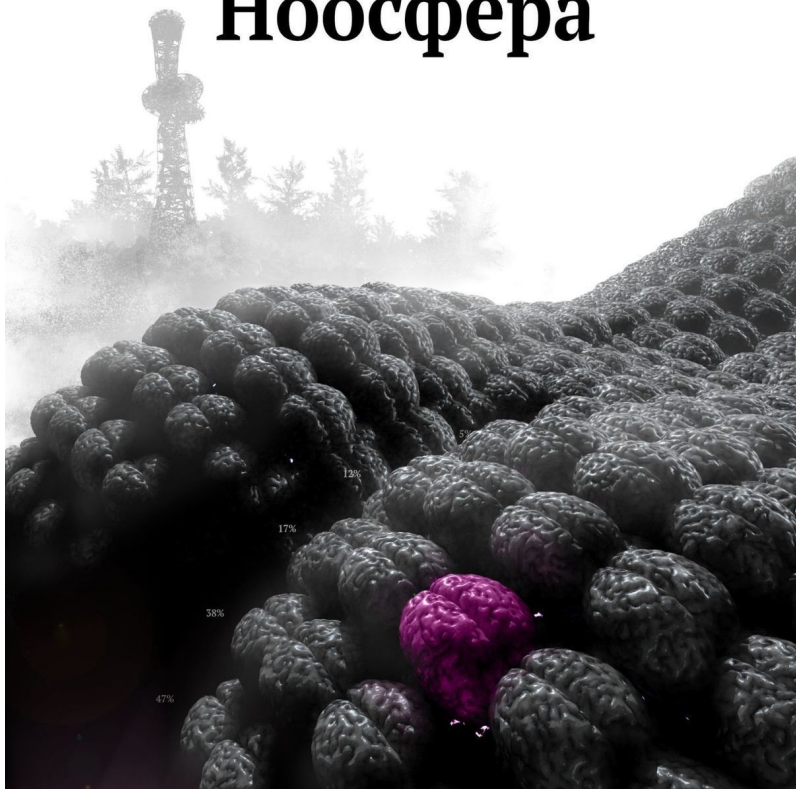

Виталий Акменс

Четвёртая Ноосфера

Виталий Акменс

Четвёртая ноосфера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014956

ISBN 9785448549649

Аннотация

Ноосфера – это вам не интернеты из слепых времён... Из чьей головы я вспоминаю это древнее слово? В один прекрасный кровавый век мы все устали – от самих себя. Но мы справились. Мы перековали свои нервы, получив удобные, чистые комнаты. Мы обрели друзей, партнёров и врагов, с которыми пушисто и нескучно. И теперь, когда весь этот бардак висит на волоске по вине чьей-то глупости – кто её только выдумал называть смертью? Кто-то вложил в мою голову это странное, крамольное желание: **выйти.**

Содержание

День первый	5
День второй	39
День третий	77
День четвёртый	117
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Четвёртая ноосфера

Виталий Акменс

© Виталий Акменс, 2018

ISBN 978-5-4485-4964-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День первый

Сохранность 53%

Почему же так душно?

Времена не выбирают. В них живут и... так, это явно не моё. Как снегом по голове. Нет, как обух на голову. Вот, это ближе. Хотя что такое обух? Кто бы помнил. Опять что-то нехорошее?

Вроде всё как обычно, маешься досугом, летишь или читаешь какой-то бред, но моргнёшь невпопад, и привет – понимаешь, что уже N-дцать лохматую минуту бредёшь по лесу, спотыкаясь и вытирая туман со лба. И хоть бы встрепенуться, но нет, покой густ и наварист, хоть на воздух ложись. Только душно.

Ну что же теперь? Иду я по лесу и волочу за собой толстую палку. Нет, скорее, утончённое бревно с две трети меня. Темно, да ещё глаза слипаются, хоть век не размыкай, но нельзя, и так уже спотыкаюсь на пике способностей в хореографии. А слёзы всё борются с моими глазами, но не могут промыть даже окошко в колючей золотой пыли. Только смутные тени. Тени рождаются, как древние богини из пены морской, и расступаются не менее чудесато. Это называется деревья. Стволы не толстые, но встретиться носиком может быть больно.

Протяжно громыхнуло, где-то ветер нашёл сухопутные паруса. Нет, вероятнее, что-то упало. Потому что ветра нет. Даже от моих пальцев. Только приглушённое хлюпанье. Капли барабают по верхам деревьев, но ни одна не достигает головы. Похоже, и мне суждено стать первым человеком, которого стошнит водяным паром.

А это что? Вой? Нет, скорее, плач. Девственный, холодящий, неуправляемый тембр младенческого горла. Вспоминаю новорождённую сестру. Ну уж нет, не бывает у младенцев такого потустороннего крика. Пытаюсь оглядеться. Опять затихло. Проще поверить, что дерево скрипит.

Что же так жарко? Вроде не июль уже, да и лес ночью не то место, где можно сдохнуть от чего-то кроме холода. Или уже не ночь? Ну да, как ни странно, это раннее утро. Небо протекает сквозь ветки, серо-голубое, как туман, ещё не вошло в дневную гамму. Но уже не тьма. Скоро морской воздух разгонит остатки парилки, и будет всё как всегда. И даже что-нибудь случится. Во всяком случае, произойдёт.

– Ха, вот ты где?!

Пожалуйста, как по заказу. Это уже не детский плач, а вполне себе половозрелый мужской рёв:

– Всё, чмошник, тебе крышка!

Кто-то прорывается через тернии ко мне, медленно и шумно; ну как же так? Где такт и лёгкость? Где уважение?

– Стоять, говорю! Слышь? Иди сюда!

Так стоять или идти? А может, лечь? В отместку за такую грубость. Ах, мои милые друзья! То уходят, не попрощавшись, то приходят без объявления. А ведь ты тоже мог стать моим другом.

– Где она?! Где твоя шобла?

Моей шоблы нет уже не первый месяц. Но разве объяснишь? Вздыхаю через нос. Получается какой-то скулёж.

– Шайка уродов! Не скроетесь! Прибью! Утоплю! Через зад перевешу!

Поздно сопеть. Негодяй идёт напролом и легко нагоняет меня. И только раздвинув последние ветви, тормозит и молвит следующее:

– Ух, раскудрить твою прядь, как тебя жизнь потрепала. Ты же вроде толще был.

– Угу, а у тебя голос был громче.

– Чего?

– Ничего. Ты зачем пришёл? Мять? Извини, самому не хватает. И не надо за мной в лес ходить. Всё, давай, до свиданья...

– Стой, говорю! Избавиться от меня решил? Нянек на меня натравил?

– Кого?

– Кого слышал, мударас сухопутный. Думал, чинуша меня остановит? Во, видишь? Я их всех переломал! Я им такой *пессец* устроил, я их так уделал...

Трясёт кулаком. На кулаке и правда размазано что-то тём-

но-красное. Наверно, вляпался в какую-то грязь. Или рыбу чистил. Но я всё же останавливаюсь, чтобы перевести дух. Опираюсь на свой импровизированный посох. Нездоровая суета. Может, спать устроиться прямо здесь? Не поплохееет мирозданию от такой дерзости? Похоже, моему антагонисту уже плохееет:

– Всё из-за тебя, – лопочет он уже не столь уверенно, при этом озираясь по сторонам. – Где? Где остальные? Опять на руинах?

– Чего? Какие руины?

– Не притворяйся. Руины Щепи, здесь, в лесу! Где они?

– Здесь, в лесу. Не перепутал?

– Молчать, щенок! Это ты их ломаешь! Урод! Огрызок! Ублюдок недобитый! Прислужник СРаМа! Расхититель народной памяти! Мерзавец!

– Приятно познакомиться, Славик.

– Чего?! Да я тебя сейчас... я... я потомок Щепи! Мы все здесь потомки Щепи! Это территория Щепи! Земля для Щепи! Щепь или смерть!

Ну вот, а я думал, обойдёмся без помётов мамонта. Жалко мне человека. Подыграть ему, что ли? Тогда он даст мне по шам и успокоится, а я хоть полежу без сознания, высплюсь.

Нет, не высплюсь, слишком душно здесь. В духоте даже убогие бесят больше, чем того заслуживают.

– Слушай, хватит уже, – говорю я, вежливый из последних

сил. – У самого половина предков с югов. Ничего, не умер? А бассейн у тебя куда заходит? И вообще я не виноват, что у тебя такая вовлечённость нетрадиционная. Что, опять в любви не везёт? Ну так найди себе собачонку, не знаю, погладь, полижи ей...

– Ар-р-х-х!

Всё-таки что-то лишнее сказал. Или дёрнулся неаккуратно, и кабану привиделась попытка бегства. В смысле, приглашение догнать и настучать в бубен. Что ж поделывать, не все люди ценят чужую тактичность. И чужие дубины толщиной с ногу. Пока рассерженный потомок Щепи форсирует валежник, мои руки крепко сжимают бревно и поднимают над землёй. Нормально так, сантиметров на двадцать. А потом просовывают между ног.

Голубчик подбегает на метр, но ближе не успевает. Поднимается писклявый шум, и земля уходит из-под ног вместе с духотой и пальцами, упустившими мой шиворот.

Приснится же такое.

В ледяной воронке улётно качаться туда-сюда, крутиться на нижнем позвонке, подобно стрелке компаса, и даже просто лежать на дне да промокать... только не лезть наверх. Но лёд тает, и пятая точка проваливается всё глубже, не охлаждаясь ни на градус. Всё тело горит. Жгучий дым. Почти смертельный. Дыму должно быть стыдно: не справиться с такой мелочью, как я. Немудрено, что дым улета-

ет как ошпаренный. Улетает, обжигая меня напоследок белёсо-голубым пламенем. Улетает мой щит, мой фундамент и моя клетка. Но это не свобода. Это называется конец.

Больше нет снов, нету полётов. Я падаю вниз, искромсанный, похожий на мокрую тряпку, но жаровню жизни не гасит даже встречный ветер. Впрочем, внизу есть кое-что понадёжнее. Целый омут тщеты и разочарования, такого жуткого, что век тони, до дна не дотонешь. Всё было не так. Все прямые дороги спутывались в клубки раньше, чем достигали хотя бы половины пути, и только падать получается по прямой, такой правильной, что внутренний стратег просто жмурится от удовольствия.

Пушистые черви извиваются подо мной безумным русым океаном, готовые обласкать, защекотать и растереть меня в порошок. Их так много, что думаешь, будто и нет никого, кроме них. Но это не навечно. Я осел, и они осядут. Когда ты устал – это не предательство. Вы не спасёте меня и не проглотите. Я пролетаю сквозь вас и ныряю в омут, и буду тонуть, омываясь душным киселём, и не видеть дна ещё сотни лет.

Запах прелой травы и грибной аромат ягеля. Морщусь. Глаза ноют, но уже не слезятся. Небо тяжёлое, серое, медленно распадается на валуны туч и трескается тонкими ветвями. Совсем рассвело. Никаких голосов, никаких писков. Вяло шумит ветер, точнее, лес от ветра, но перед носом лишь

трава, мох и лишайник, причудливо измятые. Далеко же меня унесло. Молодец я, что в сторону дома свернул, а не в сторону моря.

Уже не душно. Холодная, сырая земля творит чудеса. Пытаюсь подняться, но тело словно обмотали паутиной... перед этим хорошенько избив. Уй-й-й... слов нет, одни междометия. Легче молчать и стонать носом. Промокшая серая вата на шее, на руках и ногах хрустит и рвётся, распаковываемые ушибленные мышцы. Грязные пуховые ошмётки кувыркаются в траве, но тают быстрее, чем успевают нападать осязаемый слой. Что-то их как-то мало. Я бы даже сказал, какого *гыргына* их так мало?! Я что, цел и невредим? Да у меня вся кожа горит! Сколько ветвей я собрал на полной скорости? И, кстати, где моя небесная стрела?

Нету стрелы. Озираюсь, давясь болью в рёбрах. Куда там, даже щепки не завалилось. Только между ног чешуйки сосновой коры. Ну как же так, ну?! Ещё один вектырь псу под хвост. Всё из-за него. Щепендюк, прядь его за ногу. Да чтоб его эта Щепь рак... кхм, в общем, чтоб ему худо было. Чтоб у него вся неделя не заладилась так же, как у меня этот день!

Ладно, будем считать, повезло. Ничего же не сломал. Поднимаюсь на колени, отряхиваю защитный секрет. Под слоём ваты возникает одежда. Вернее, то, что от неё осталось. Истончённые, порванные лохмотья держатся на поте, сырости и крови от мелких ссадин. Ну что же за утро такое, ну! Хоть плачь навзрыд. Штаны ещё кое-как целы – тупые как проб-

ка, сами себя зашивать не умеют, зато прочные. А вот верхняя часть... хорошая была рубашка, опрятная и дорогая. И, несмотря на голубизну кровей, готовая невозбранно пожертвовать собой ради тупицы-хозяина. Зачем только напялил? Идиот. Может, ещё срастётся?

А это у нас что?

Пальцы смакуют тонкую чёрную цепочку. Хитрый узорчик, хоть и моменталка. Амулет, не меньше. Или просто кулон. Пушистый хвостик сантиметров семь-восемь в длину. Как настоящий. Шёрстка немного отсырела, но всё равно идеально мягкая и шелковистая. Не щекочет, не колет, не греет до духоты. Не напоминает о себе. Сестра плохого не подарит. Только цепочка вроде бы другая была. Или та же? Не помню. Какая разница?

Мысли о доме, они такие. Потянешь за ниточку, и накатит целый клубок. Только отряхнулся, расшевелил ноющую плоть, и такая оживает под ложечкой ностальгия! Проще говоря, жрать хочется жутко. Желудок совсем обезумел, решил переплюнуть остальное тело в нитье на тему «кому тяжелее живётся». И не обложишь его ни ватой, ни силой воли. Всё, всё, угомонись, идёт блудный сын на завтрак, сейчас, только сориентируется в этой глуши и вперёд, навстречу новому дню, будь он неладен.

Ну здравствуй, мой любимый город. Ты ещё не развалился? Жалко, а то я глазкам сюрприз обещал. Глазки не желудок, каждый день одно фуфло не выносят. А, ну надо же, фонарные столбы перекрасили. Теперь они голубые, как морозное небо. Лучше бы с тучами что-нибудь сделали. А то висят слоями, словно охапка подушек, не продохнуть, скоро от пота земноводными станем, жабры вырастут.

Впрочем, тишина радует. Добротная такая, сухопутная. Хорошо, что наш дом на окраине – вышел из леса, пол-улицы ножками и прощай, свобода. Хотя кому эта свобода нужна? Лишняя сотня способов, как оставить тело без еды.

Тишина. Мой живот находит самое время, чтобы исторгнуть то ли стон, то ли издевательский смех. Невольно оглядываюсь – не испугал никого?

Некого пугать. Тупиковая улочка пуста, как мой пищевод. Ни воза, ни грузовика, ни узла. Унылые фасадики прикрыты жёлтой листвой. Фасады тоже имеют цвета, только их наименования, как зёрна помидора, не ухватишь. Лишь окна черны без вопросов. Спят ещё. Или вымерли все? Если бы. Завтракают. Сидят по своим гостинным, обсуждают политику, экономику да жрут белки-жиры-углеводы.

Хотя нет, вон кто-то ковыляет. Мелкий. Кому ещё интересен этот душный мир? Недоразумение лет двенадцати,

худощавое и нескладное, ведёт мячик, неуклюже отбивая. Мячик, кстати, добротный, яркий, больше головы владельца, и исторгает вкусный низкий хлёт, одновременно «плям» и «дынн». Никак настоящий, резиновый?

– Эй, *щамык*, дай поиграть! – пытаюсь выбить мяч из-под щедушных рук.

Хорошо, хоть на ногах устоял. Сопляк не без труда ловит спортивный снаряд и утыкается в меня взглядом, полным вселенского ужаса.

– А ну стоять! Слышь?! Да я тебя...

Не успеваю даже за шиворот ухватить. Дитя сдувает мячик в ладонь и удирает, сверкая пятками. А я остаюсь посреди дороги с вытянутой левой рукой и приложенной ко лбу правой – явно с намерением вытереть пот. Чего же я хотел? Мячик? Да нет же, я хотел... спросить? Тьфу.

– Вали, вали отсюда! – кричу ему вслед, но выходит неубедительный сип.

Мячик. При чём тут мячик? Не было мячика. Не может резиновый мячик сдуться прямо в ладонь.

Жарко очень.

Живот снова исторгает одинокий, насмешливый клич: «Хы-ы-ы-брль!» После него тишина кажется особенно скукоженной. Ускоряю шаг. Быстрее идёшь – меньше качает по сторонам. Вижу краем глаза, как один из фасадов за моей спиной ужимается вглубь и рельеф брёвен сменяется ровной поверхностью. Оглядываюсь на треть, натываюсь на ми-

лые жёлтые листочки и не хочу даже всматриваться. Не моё, не за мной, не по мне. Почему же так душно?

До дома я добираюсь спустя годы страданий, прострации и жалости к самому себе... то есть примерно за пару минут. Калитка не заперта, и мозги тихо, не шурша, сдаются автопилоту, чтобы поспать на стороне...

Не судьба.

Два серьёзных товарища стоят у забора и меряют шагами длину своих шагов, рассылая по миру лучи добра и покоя. На обоих мешковатые одежды, словно свитые из седеющих волос, предварительно сплетённых в замысловатые косички. Тревожное сходство, но ещё не знак. Знак – это бороды. Бороды в полной комплектности. У одного короткая, почти опрятная, молодая – даже на человека похож. У второго, наоборот, несусветная кудрявая подушка, закрывающая большую часть не живота, но пуза. В этой шевелюрной пучине, словно маяки для местных волосяных жителей, блещут пять или шесть серебристых загогулин. И, честное слово, лучше бы их было гораздо меньше.

Одмины?! Что они здесь делают?!

А я ещё надеялся, что не заметят. Только боль угомонилась, только надежда забулькала, и всё, один короткий взгляд, и уже не вырваться из этих пут, как из собственных нервов.

– Вы... э... меня? – что ещё спрашивать, если поздно мол-

чать?

Да нет, нету никаких пут. Просто обидно. Стоишь как дурак, голодный и злой, и не можешь собрать воедино самую простую, казалось бы, головоломку – самого себя.

– Турбослав Йонович Рось? – спрашивает тот, что помладше.

«Нет, вашу мять, Марко де Лукво, командор Четвёртой ноосферы!» – хамлю про себя, но голос идёт на компромисс:

– Угадали. Что-нибудь ещё?

Похоже, здесь мои вопросы не котируются. Одмины отвернулись и склонили головы друг к другу. Ну, и что дальше? Я пошёл, нет? Надо было сразу драпануть, как тот мальчишка, и всем было бы легче. Как будто моё присутствие и лишний час без еды что-то глобально решит. Но младший одмин вынуждает меня остановиться:

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально. Можно идти?

– Подождите. Вы откуда?

– Откуда я? Из лесу, вестимо. Или вам интересно, откуда я вообще? Ну, есть такой орган женский...

– С кем вы не встречались за последние два часа?

– С кем я *не* встречался? Ну, не знаю. Например, с генсекком Верховных Пальцев. Не пойдёт? Тогда с родителями, с сестрой, с преподам по...

– Вы слышали громкие звуки?

– Ещё как! Когда ветер в ушах, а потом как веткой по ха-

ре... – обрываю откровение и пытаюсь сделать невинные глазки. Зачем, не знаю. Они даже не смотрят на моё лицо.

– Вы замечали какие-нибудь признаки неустойчивости или недоступности?

– Неустойчивости, недоступности! По-человечески нельзя? Я вообще без понятия. Всё как всегда. Ну... не совсем. Тут один рыбак из ума выжил, чуть не убил. Бельшев Евбений, знаете? Здоровенный такой, ещё ругается старомодно.

– Зачем вы ходили в лес?

– Да при чём тут лес? Не на лес напали, а на меня! Вы корпус ня... Институт Океанологии проверяли? Там все живы? Нет? Тогда бегом! Что вы ждёте? Неустойчивости? Говорю вам, у него руки были по локоть в крови! И вовлечённость его проверьте. А то он что-то слишком много отдал собачьим...

– Зачем вы ходили в лес?

– Опять двадцать пять. Зачем я ходил? Ну, вот спите вы, вон, с любовником, а у него газы того... карательный метеоризм. И бородой вас за шею, раза три, вообще не продохнуть. И тут он встаёт и... не одними же газами... короче, уходит. А вы такой: ась? Кто меня дёрнул? И почему так душно? Пройтись что ль, подышать, помучить бедных голодных людей...

– То есть вы плохо себя чувствовали?

– То есть вы припёрлись сюда, чтоб узнать, как я себя чувствую? Я балдею! Вы кто вообще? Одмины или деды-мараз-

матики? Вы лучше скажите, когда меня разблокируют на Новой истории? А в Клубе геополитиков? А в этом самом... кстати, вчера-то за что? Что я такого сделал? Я этих несогласных не звал, они сами пришли. Что за произвол? Год назад такого не было! Что дальше-то будет?!

Молчат. Глаза как бездонные колодцы киселя. Они хоть слышали, что я сказал?

– Понятно. Заняты. Некогда? Да пошли вы!

Не успеваю сделать шаг. Меня хватают за шею и разворачивают.

– Слушай сюда, узел, – говорит младший одмин и его слюни. – Мы тут не ритуалы шутим, у нас горячая смерть на домене!

– Горя... а...

– Молчите! Оба. Пожалуйста, – мягко разводит нас одмин с более длинной бородой. – Простите. Издержки реальности.

– А... а... – пытаюсь поймать сбитый график дыхания.

– Так вы говорите, что в это утро, не считая рыбака, вы не попадали ни в какие неприятности?

– Ага! То есть, нет. В смысле... – тереблю ободранные рукава. – Почти. Но он сказал, горячая... смерть?

– Уровень ГЭ. Вы знаете, что это означает, когда повышается фон.

– Да, но...

– Есть и другие симптомы, так что приходится учитывать немного больше, чем обычно. Вы, кажется, сказали: де-

ды-маразматике?

– Я... простите!

– Вы правы. В вашем домене мы действительно беспомощнее, чем того требуют обстоятельства. И нам не хотелось бы, чтобы некоторые узлы... некоторые горячие молодые товарищи, чересчур известные в не самом *устойчивом* свете, подливали масла... туда, куда лучше не подливать. Вы нас поняли, молодой человек?

– Понял. Но горячая смерть – это правда? Это значит... кто-то умер? Кто-то из...

– Мы уже сказали, что не знаем наверняка. И вам не советуем. Вы боитесь за близких? Это хорошо. Давайте проверим. Зайдём к вам?

– Нет!

– Не надо? Мы тоже так считаем. Сдаётся нам, ваши родные не менее живы, чем вы.

– Я, нет, я насчёт Бельшева, я правду говорю, у него руки были вот прямо в крови, я тоже сначала не поверил, но он сам говорил про этих, про нянек, и...

– Мы ещё раз повторяем, не задавайте себе вопросы, на которые ваша локальная голова не сможет дать ответ. Даже если... что маловероятно, потому что катастрофа... явление это крайне редкое... но даже если не так, всё равно *её нет*. Для вас нет. Пока вы живы. И, надеемся, не пребудет с вами и после этих лет. Согласны?

– С-согласен.

– Тогда давай вернёмся к тому, с чего начали. Итак, в лесу вы оказались исключительно в процессе утренней пробежки.

– Да!

– Вы часто этим занимаетесь. Например, чтобы разгрузить центральную голову, которая занята не тем, чем нужно.

– Ага. То есть нет! В смысле...

– Естественно, вам это просто нравится. Развеяться на процент, не прибегая к тренировкам и ритуалам. Дешевизна. Вы к этому привыкли, ещё когда с друзьями убегали на ночные гулянки. Разумеется, ваши родители не в восторге. Они считают, что лучше бы на танцы записался.

– Ага! А откуда вы знаете?

– Мы?

– Хм, простите, глупый вопрос.

– Значит, никаких особых жалоб нет?

– Нет, никаких. Хотя...

– Не бойтесь, говорите как есть.

– Защитный секрет, – придиричиво отряхиваюсь. – Плохо работает. Не защищает почти.

– А что вы хотели? Вы даже не перекусывали утром? Сразу побежали?

– Угу. Но я же...

– Правильно, бежали бы всю дорогу, вам бы и трети калорий не отъело. Но вы же предпочли чуть не разбиться, так мы понимаем? Однако стоите на двух ногах, с целым позвоночником и нулевой благодарностью. Итого минус пара ки-

лограмм из вашей биомассы. Или вы думали, что ваша одежда делает всё за вас?

– Нет, но...

– Правильно. Вы, надо полагать, испытываете некоторый пищевой голод?

– Ага!

– Тогда идите домой и постарайтесь забыть этот неудачный разговор. Только родным не говорите. Никому не говорите. Не хватало ещё... ладно, надеюсь, что это вас не коснётся. Всё, можете идти. Да пребудет с вами... разум. И устойчивость.

– Угу.

– Подождите.

– Да?

– Проведите ритуал здравого смысла. Хотя бы час. И родных уговорите. Не забывайте, что вы живёте в лакуне.

Киваю.

– До свидания, – раздаётся за моей спиной.

«Прощайте!» – пытаюсь озвучить мечту, но не получается даже сглотнуть. Впрочем, шаги исчезают, и вдогонку за ними улетают и злоба, и ступор. Даже шейные мышцы расслабляются. Всё равно тошно. Проблеваться бы, да нечем. Паршивое утро. *Гьирголвагьиргын!*

Пинаю калитку. Падаю, поджав отбитую ногу. Видимо, без этого бриллианта моя коллекция ушибов была бы не полной.

– Ну ты сама подумай, с кем мне там встречаться?

– Я не знаю, тебе виднее. Я в чужие белые комнаты не хожу.

– Даша, какие белые комнаты? Я даже в прихожие не заглядываю. Мне никто, кроме тебя, не нужен.

– Ну конечно, никто. Разве что, кардинально моложе. Ты прекрасно знаешь, о ком я.

– Да? О ком ты? Может, это ты прекрасно знаешь, а не я? Давай, расскажи, детка, возбуди меня!

– Хватит дурить. Что ты всё время делаешь на причалах?

– Всё время? Что-то не помню. Последний раз я там бывал, когда тебя искал. А вот что там делала ты...

– Идиот, это я тебя искала! Я же беспокоюсь, ты же, ты... тебя одного нельзя оставить. Ну признайся!

– И что же я там, по-твоему, делал? Русалок искал?

– Русалок. С ногами.

– Даш, какие русалки с ногами? Рыбачки? Рыбачки слишком угрюмые. Няньки? Слишком истеричные. К тому же некоторые могут на проверку оказаться мальчиками, а, ты же знаешь, я как-то не очень...

– Йон!

– Кто ещё? Некого. Всё. А ты, я заметил, любишь смотреть рассветы. Просто обожаешь смотреть рассветы. Они такие

красивые, да? Большие, кровавые, просто пир духа! Как тут не сбежать из дома ни свет ни заря?

– Йон...

– Даш, ты пойми, если бы я захотел кого-то телом, тут всё равно, кроме тебя, не из кого. Скоро вообще одни суслики останутся.

– И Кожины.

– Ну вот, а я надеялся, что обойдётся без них. За что ты их так ненавидишь? Они старше нас, они двадцать лет в браке...

– Который трещит так, что отсюда слышно. Интересно бы знать, из-за чего. Вернее, из-за кого. Прости, чуть вещью тебя не назвала.

– Даш, ты прекрасно знаешь, из-за чего и из-за кого он трещит. Хоть бы раз чувство такта проявила.

– Йон, счастливые семьи не опускаются до побоев оттого, что один, видите ли, кошечек любит, а другой собачек.

– Даша, при чём тут кошечки, собачки? Они вообще хорьков любят. С детства.

– Вот именно, любовь к зверюшкам ещё не повод связывать себя узами брака.

– Конечно, не повод. Но мне кажется, они всё-таки друг друга любят – в первую очередь. И очень сильно. Иначе б не было ничего...

– Йон, очнись! Она вчера кого привела к себе домой? Котика?

– Даш...

– ...Думала, муж не заметит, спать ляжет, усталый, бедненький, а он заметил – какая неожиданность, зрячий семьянин! В нашей бы семье такого не случилось.

– Даш, она привела одного из дипломатов, по работе!

– Хватит, Йон, мне всё равно, дипломат, не дипломат, эти товарищи им, знаешь, сколько отстёгивают? С обеих сторон. Нам бы такая война роз, давно бы бросили и завод, и все эти пляски в лакуне. Жили бы как родители. А что дети? Детей бы в первую очередь, они сами не в восторге.

– А мне казалось, тебе здесь нравится.

– Какой же ты эгоист. При чём тут нравится, не нравится? Мне твой друг по школе нравился, но я же не летаю к нему спать на выходные. Йон, надо уметь расставлять приоритеты. Почему я тебя этому учу?

– Не знаю. Ты вообще сегодня какая-то добрая. Болит?

– Нет, не надо. Уже лучше. И вообще голова не пальцы. Всё, хватит, собирайся давай, а то опоздаем. Да, захвати. Не устанавливай.

Никогда раньше не замечал, что у них из речи выпадают целые реплики. А ведь это хороший знак. Знак, который говорит: «Не принимай близко к сердцу». Не грозят им чужие комнаты, если даже в ссоре понимать без слов означает именно понимать, а не накручивать и извращать. А они понимают. Уж самое главное точно.

Есть, правда, и другая сторона. Это в детстве тяжело, ко-

гда самое время визжать, голосить и придумывать новые словечки. Хотя как тяжело? У нас с друзьями сразу получилось. Потому что голова на плечах. В любом случае, удовольствие накладное. И только с возрастом что-то меняется. Слова, замызганные годами дежурных фраз, начинают влетать и вылетать тихо, не раздражая слизистой. Эта привычка приходит раньше, чем грубеет голос и снижается слух, да и само желание пропадает делиться с младшими тем, что они и так не поймут. По крайней мере, так говорили, когда у бабушки с дедушкой... Хотя при чём тут они? Ни при чём. Ослышался. Родители молодые в стельку, им только пятый десяток, и, вообще, какого *гыргына* я туплю под дверью?

Родители ещё пытаются выяснять отношения, когда я вхожу в комнату. Вхожу медленно, рассеянно, судя по тому, как много слов услышал. Всё-таки живое общение с одними – нелёгкое испытание. Даже о голоде забыл на целую минуту.

– О, кажись, наш сын с дуба рухнул, – замечает папа. – Нет, всё же с лиственницы. Дубов у нас не растёт.

Мама замечает меня и всплёскивает руками.

– Славик?! Ну всё, докатились! Одной проблемы мало, другая подкралась. Ты где был, герой сопротивления? Повернись-ка спиной... понятно, наш сын месяц по лесу бродил, а дома его кто-то подменял. Славик, ты с ума сошёл? Признавайся, опять где-то лазил?

– Мам, где лазил? Я просто поскользнулся.

– Поскользнулся? Хватит врать! Я запрещаю тебе выходить из дома, пока мы не встанем! Поскользнулся он... взрослеть уже пора начинать, лемур!

– Успокойся, – шепчет папа за маминым плечом, но эффекта мало:

– Или ты дрался с кем-то? Признавайся!

– Мама, какое дрался? Какой век на дворе?

– Вот-вот, – изрекает отец. – Сдаётся мне, в этом деле замешаны вектыри.

– Нет! – говорю и сам же от себя вздрагиваю. Что остаётся? Округляю глаза и строю брови домиком. Получается не ахти. У папы глаза ещё больше, ещё выразительнее, а вот брови уже спустились ниже некуда.

– Ты опять за своё? – вновь включается мама. – Ты же обещал! Тебе же одмины объясняли, тебе мало? Откуда ты их вообще... как тебе удаётся их запускать? Ты хоть представляешь, что это такое?

– Ещё бы. Страшная вещь. Врагу не пожелаешь.

– Себе не надо желать. Мы же договорились, что пока ты не изучишь теорию, пока не научишься программировать...

– Да, да, да, к вектырям не притронусь. Их вообще запретить надо, это же орудия смертоубийства! Или модернизировать, в конце-то концов.

– Ага, дождёшься, – ворчит папа. – Если они думают, что пальцы без еды умеют работать. Надеюсь, хоть эту вылазку оплатят не только партией неликвида...

– Ещё вектыри? Э, нет, нет, я просто так спросил.

– Упал ты тоже просто так? – говорит мама. – Слушай, Йон, ты иди, я попозже. Или лучше отпроси меня...

– Нет, не надо, мам, со мной всё в порядке, правда! Вон, уже всё зажило. Идите вдвоём, я справлюсь.

– Хорошо, потом поговорим. Завтрак на кухне. Справишься? Только переоденься. И руки помой.

Ну вот, половина тарелки пуста, и половина счастья возвращена вселенной. Удивительно, как удаётся простым радостям менять сложные миры. Так вот, одмины, обломитесь: я сыт – значит я свободен!

Запах еды – страшная вещь. Прямо Афш, да не будет он к ночи упомянут. Голодный организм оприходуёт даже дешёвое синтетическое мясо. Спасибо, что не рыба. А за капусту отдельное спасибо. За неё можно потерпеть и мясо-немясо, и даже его отсутствие. Люблю капусту Левинсона. Лучше капусты Левинсона только двойная порция капусты Левинсона. Плотные, мясистые листья, слегка обжаренные, с тонкой корочкой, которая рассыпается от нажима языком и обжигает весь рот озорной солоноватостью. Я закрываю глаза и представляю снопы юрких салютов, озаряющих своды моего нёба. Вдобавок ко всему, это просто сытно. Даже ткань лишняя выступает из рубашки, сношаясь с моим потом и рожая ватные компрессы – спасибо за своевременность, но царапины и так заживут.

– Привет, Славик! Приятного аппетита! – слышу голос ангела, которого скинули с небес за излишнюю миловидность.

– Привет, Алеся, – выглядываю из-за спинки стула, и губы сами расплываются в улыбке. – Ты уже поела?

– Ага! А ты где был? Гулял?

– Да, пробежался.

– В лесу?

– Как всегда. Держу себя в форме.

– А белочек видел?

– Каких ещё белочек?

– Ты что? Сейчас все в лесу белочек ищут. Нам в школе сказали, что климат потеплел и к нам с юга настоящие белочки перебрались. Уже несколько раз видели.

– Нет, – стираю остатки пота со лба. – Климат, конечно, потеплел, но белочки не попадались. Темно было. И, вообще, почему белочки? Может, суслики?

– Славик, какие суслики? Суслики толстые и наглые, а белочки красивые, изящные, по деревьям лазают. Как киски!

Качаю головой и запихиваю в себя новую порцию еды. Хотя под таким взглядом забивать себе щёки, подобно толстому и наглому, как-то даже неудобно.

– Ой, а что это у тебя лицо красное? И за ухом царапина. А на руке...

– Не обращай внимание. Поскользнулся, упал, потерял сознание... ну что ты на меня смотришь? Ни с кем я не дрался

и никуда я не влип. Сверх имеющегося.

– Славик!

– Ну что Славик? Я же говорю, темно было. Ты видела, какие тучи? Как будто солнце не вставало. А в лесу вообще, – тщательно тру себе веки. – Даже стволов не видно. Один шум. Нет, ты, Алесь, как хочешь, а я вот разбогатею и куплю себе тепловизор.

– Зачем? Лучше тапет купи. Как у кисок!

– Ага, чтоб глаза светились? Спасибо. Пусть другие светятся. А я буду как змея. Х-х-х!

– Не надо. Глазки болеть будут.

– Это вам тоже в школе говорят? Верь больше. Нам однажды втирали, что от капусты Левинсона что-то там вырастет. Ну и где обещанное? Не видно?

– Славик, не придуривайся! От капусты не хвост растёт, а нервы...

– А, ну тогда понятно. То-то я нервный стал. П-ф-ф, – снова тру себе глазницы. – Всё равно что-нибудь куплю. А то невозможно. И так осень, еле солнце встаёт, ещё зима впереди. А тебе, конечно, темнота не проблема. У тебя и так глазища как у твоих кисок. Жалеешь, что зрачки не узкие?

Я бы обиделся на такую предьяву, а она аж заулыбалась, кивая и моргая мне прямо в совесть. Десять лет девчонке, а глаза как у младенца, здоровые и почти круглые. Конечно, есть в кого. У меня тоже глаза папины. Только у меня они в самый раз, а у неё явно с перебором.

– Было бы здорово как у кисок. Киски видят в темноте в шесть раз лучше нас. А поле зрения во-о-от такое! Ты знал? А ещё у них скорость реакции...

– Нет, не знал, – отрезаю грубее, чем планировал. Чувствую, это поветрие кончится хуже, чем просто достанет по горло. – Вообще, почему кошки? Почему тебе, там, птицы не нравятся? Вороны.

– Славик!

– Ладно, ладно, не вороны. Чайки. Просто чайки. Говорят, глазки у них тоже мощные. И главное, летать умеют. Сами. Вот, в чём крутизна! А уж остальное легко навесить, нарастить и...

– Ты на что намекаешь?

– Я, Алесь, намекаю на естество. Каждая птица имеет право летать, свобода есть сущность каждого...

– Ты опять украл вектырь?!

– Я? Вектырь? Да ты что! Я их давно уже не краду. У меня заначка есть. Муах-ха-ха!

Выглядываю из-за спинки стула, стаскивая ленту капусты с подбородка.

– Ты... ты ходячее расстройство! Из-за тебя родители переживают! Что ты опять устроил? Среди ночи такой грохот был, я потом заснуть не могла!

– Ничего я не устраивал. Спать надо крепче, тогда и грохоты сниться не будут.

– Неправда! Мне не приснилось! Это всё ты! Ты опять

что-то натворил, как год назад. Я слышала, как мама плакала ночью. Папа куда-то выходил, потом успокаивал её, оправдывался. Он тебя искал, да? Признавайся!

– Да пф-ф-ф...

Хочу разразиться выражениями, но не могу. Эти чудо-вишни под длинными ресницами когда-нибудь доконают меня. Взорвут от нарастающей злобы.

– Алеся, ничего я сегодня не творил. Было бы, с кем творить. Не с кем! Стар я уже для ночных гулянок. А грохот, так это в портах что-то уронили.

– Но мама...

– Тебе приснилось. Или показалось. Или ты не так поняла. Ну серьёзно! Это папа чуть до слёз не докатился от маминых претензий. И мне уже впору плакать. Оттого что родная сестра винит в какой-то ереси. Да, я брал вектырь. Ну тупанул, ну что поделаешь? Но я не делал из него никаких свистелок, гремелок и разбивалок. Честно-честно!

– Пообещай мне, что больше не будешь брать вектыри, – строго говорит самая правильная в мире девочка.

– Эх... ради родной сестрёнки всё что угодно.

– Ура.

Вытираю со лба последнюю порцию живительного пота.

– Слушай, а мама с папой где?

– Не знаю. Ушли уже, наверно. Они вроде на завод собирались.

– Опять на завод? Жалко. А, вот они. Мама! – девочка

выбегает за дверь и без труда натывается на объятия. Повезло родителям, нечего сказать. От такой правильной дочери слипнется всё, даже семейные узы. Хоть на конкурс выставь. Самый благовоспитанный ребёнок. Нет, скорее, самая успешная работа над ошибками.

Сытость!

Чёрные валуны пальцев ног на фоне белого окна – красота! За окном, кстати, распогодилось, посветлело, тучи поднялись и размякли, уже не пытаются придушить наш бедный городок. Посмотрел тут, реально какой-то дерзкий антициклон с югов прорвался. Тут ему и крышка. К вечеру уже прохладнее будет. А завтра вообще... даже обидно. Прогулять что ль занятия? Интересно, с каких это пор я разлюбил лето и жару? И когда вновь полюблю: в первую неделю октября или во вторую?

– У круга всегда есть середина, – доносится из комнаты сосредоточенный голосок сестры. – У середины может быть круг, а может и не быть. Но если нет ничего, то нет и середины. А у квадрата четыре угла. Если отнять у квадрата один угол, то у квадрата останется три угла.

– Алесь, аккуратнее, – отзывается папа. – Как можно отнять у квадрата один угол? Он же не будет квадратом.

– Ой... ну тогда треугольник.

– А почему треугольник? Может, какая-нибудь долька? Или квадрат со скруглённым уголком.

– Эх-х...

– Вот, Алесь, нельзя у фигур отнимать углы. Это разные вещи, как небо и земля. Ты же не путаешь небо с землёй? Иначе бы не смогла устоять на ногах. Вот и в голове нельзя связывать то, что не связывается. Пойми, Алесья, ритуал – это не стишок про белочку, и ты уже не маленькая, и нужно понимать, что неустойчивость...

– Хватит! Мне надоели ваши ритуалы! Так неустойчиво, этак неосторожно...

– Алесья...

– Вон, Славику почти шестнадцать лет, а он их ни разу не проводил, и ничего, никаких рак...

– Алесь!

– Отстаньте все!

Девочка выбегает из дома, звучно топнув по крыльцу. Папа стоит, разведя руки. А я сижу и ухмыляюсь. Бунт пай-девочки! Ничего, пройдёт пара годков, и вы мои полёты будете вспоминать с ностальгией. Такая внешность и такая правильность – это как взрывчатка в толстой оболочке. Кто кого порвёт и во сколько пополудни – даже одмины не скажут. Ложись и жди.

Однако ж папа молодец. Довёл ангелочка до бесёнка – моя школа!

Вот только в остальном он какой-то сам не свой, что бы кому ни приснилось. Даже тот факт, что я тут вообще ни при чём, душу не греет и проблему не решает.

– Йон, что ты там ковыряешься? Пошли уже.

– Что? А, Даш, сейчас, сейчас... как это? А, иду!

Всё-таки собрались. Вопреки Кожиным, Рожиным и прочей страстной любви. Снова Завод Перспективных Двигателей оставил нас без родителей. И одарил свободой, вдобавок к надежде на новую зарплату натурой. Вектыри!

Зажмуриваюсь и качаю головой, понарошку не веря прошедшему утру. Всё-таки сытый желудок мозгу не адвокат. Верхом на бревне! Это ж надо было додуматься?! Понятно, зачем приходили одмины. Вернуть мне рубашку, в которой я родился. Смирительную. Верхом на бревне... даже думать стыдно. Копчик саднит.

Нет, мы-то, конечно, фантазировали. Год назад даже конкретно заморочились. Я тогда почти решился, но в последний момент подумал, что перед девчонкой лучше быть скучным, чем мёртвым. А Пашок ещё за год до этого убеждал, что бояться нечего – главное, позвоночником правильно двигать. Сам почему-то пробовать не хотел. Я, говорит, не выспался. Я, говорит, переел сегодня. Нет, так-то улётно! Направить в окно, или в крышу, или в днище какой-нибудь посуды, фиксируя визг испуганных пассажиров. Это мы любим. Мы и летать полюбили, но для пилотажа существуют более надёжные конструкции. Не такие.

Нет, больше никогда в лес голодным не пойду. Мозги не варят. Верхом на бревне – это ж *пессец!* Никакого опере-

ния, никакой устойчивости, аэродинамика ужасная – недаром таких раньше жгли на костре. За саботаж прогресса в области авиации. Малейший крен, любой удар ветки, и всадник уже не всадник, а «минус всадник», то есть ногами вверх. И это в лучшем случае. В худшем полная неуправляемость, дезориентация и, как следствие, разжимание конечностей в воздухе, либо столкновение с твердью под произвольным углом. Нет, это невозможно, это что за аномальное взросление – сокрушаться, каким безмозглым юнцом я был пару часов назад? А ещё умиляться и тосковать по утраченному. Всё, пора развеяться.

Выхожу на крыльцо. Потягиваюсь вполсилы – с полным животом это не столь актуально. Ну что ж, не так страшен день, каким его сбрасывают на голову. «Сегодня я видел живых одминов! Седьмой градус, не меньше! И сказал им всё, что я о них думаю!» Друганы не поверят, не захотят завидовать. А придётся. Как в старые добрые времена.

А насчёт вектыря, надо что-то делать. Пока я тут сокрушаюсь, мой позор уже гниёт в болоте, хотя мог бы ещё послужить на славу. Это раньше они у нас дошли после первого старта, а теперь Турбослав Рось – гарантия качества! Бревно-то какое хорошее было! Прямое, сосновое. С какой целью я его изготавливал? Совсем всё вылетело из головы. В любом случае, так оставлять нельзя, надо сейчас же пойти в лес и обыскать всю арену позора. Наверняка там же и валяется. Или в ветвях застряло – ещё лучше, полазаю хоть,

как в старые добрые времена. Опять же друзьям на зависть. Если повезёт, то к обеду я не только возвращу утраченное, но и качественно его перепрячу. А уже после обеда...

Ухмыляюсь. Улица чиста и спокойна – не придраться, не вляпаться в знак судьбы. У природы вообще плохо с памятью. И в этом залог её долбаной притягательности. Ветерок приятный, духоту не отрицает, но кожу ласкает знатно. Или это я так хорошо умылся? Отворяю калитку (бедная, не буду больше пинать), пересекаю пяточок земли перед домом. Никого, даже моих следов. Хотя я, в отличие от одминов, топтался здесь очень даже нервно. И вообще...

Одмины. Ну как же так? Ну ушёл из чьей-то жизни, ну убери за собой! Мне что, теперь вечно вспоминать этот допрос? Или нарочно, пока ритуал не проведу, не отпустят? Достали уже ваши ритуалы. Даже сеструху достали. Может, вы сами как-нибудь, без нашей помощи? Или мне ещё Бельшева за вас поймать?

Вот Бельшева лучше бы вообще не вспоминал.

– Славик!

– Ау.

Подбегает Алесья. Улыбается. Ну, что на этот раз? Какое счастье мне развенчивать?

– Куда собрался?

– Я? Никуда. В смысле...

– Опять в лес?

– Ну...

– Возьмёшь меня?

– Чего?

– Пойдём вместе! Покажешь мне эти... – переходит на полушёпот. – Руины. Ты же туда собрался?

– Ну...

Вот это номер. Итак, самая правильная в мире девочка желает посмотреть на самое неправильное в мире место? Я не ослышался?

– Я тут подумала... живём рядом, а я ни разу не была. А ты много раз, и ничего с тобой не случилось. А меня уже Гасик приглашал, но я не пошла с ним. Страшно.

– Кто такой Гасик?

– Гасик? Да... – сметает ненужную тему невинной улыбкой. – Ну что, Славик? Я готова!

– М-м... а сейчас совсем не боишься? Там ведь не очень... приветливо.

– Боюсь немного. Но с тобой не боюсь.

– А с Гасиком боялась?

– Ага. Гасик сам боялся. Только хвастал. А ты не такой. Ты ходишь туда как к себе домой.

Уела. Действительно, какой Гасик сравнится с Турбославом Росем? Старший брат плохому не научит. Как раз вдвоём быстрее отыщем моё бревно. Главное, не говорить ей, что у него внутри. И далёко от себя не отпускать, а то заблудится, вымокнет, провалится в грязь, напорется на корягу, набре-

дёт на... тьфу! Нет, придётся отложить поиски. Это ж невозможно. А потом что? Она расскажет обо всём родителям, и нам влетит по первое число? Нам – это значит на три четверти мне.

– Ну, Славик, чего стоим? – девочка подпрыгивает от нетерпения, схватив меня за руку.

– Слушай, Алесь... может, в другой раз? Там сыро, грязно и, вообще, я как бы сейчас не собирался, я так... кхм... давай лучше здесь поиграем.

– Ну ладно, – вздыхает Алесья, не потрудившись отгустить и двух секунд.

Мы заходим в калитку, и такое вдруг... нет, не разочарование. Облегчение. Накатывает, позорное и сладкое, как мурашки – зажмуриться и вздрогнуть. От свиста и насмешек друзей, которых давно нет рядом, и за дворами тоже. Сами виноваты. А в лес ещё успеется. Может, завтра. Когда всё образуется, не исключая память и духоту. Сейчас Алесья будет рассказывать про кошечек и про пушистые хвостики, идентичные натуральным. И я буду слушать и радоваться. Радоваться, я сказал! И даже не вспоминать о несчастных одминах, о рыбаках... и друганах. Идентичных натуральным. Впрочем, это уже совсем другая история.

День второй

Сохранность 71%

– Что, Петь, надеялся дожить до интересных времён? Надейся дальше. Может, ещё какой кадр заглянет в наше днище-дырище?

– А я тебе говорю, что Марко де Лукво жив, как твоя ноздря!

– Угу, пойдя напиши это на стене.

– Я-то напишу. А ты, Выкван, бегом в Ностро Дуэлло, благодарить Марко за мокрые штаны. Попроси ещё пару раз сдохнуть для полного экстаза.

– Что ты сказал?!

– И Кайлинису привет передай, он там тоже, небось, в очереди. Мокрый и без штанов, как всегда.

Раздаётся жиденский смех, под который Выкван и Петя Камушкины, по-братски обнявшись, пытаются уложить друг друга на пол. В итоге третий оболтус нагибает их за шеи и уравнивает на коленях, зычно рыча:

– Я зот Врахшт, покоритесь Волчьему поясу!

И почему они все представляют Врахшта именно так? Жалко им пяти минут любознательности? Ну вот, сейчас за уши дёргать начнёт, не дожидаясь, пока братья сообразят, как бы красивее дать сдачи.

– Эй, *етгыры*, *кыплык* вас за *тыркыт*, – не стесняюсь в выражениях, потому что достали. – А воздух какого цвета?

– Чего? – отзывается третий оболтус.

– Синего? – предполагает Петя.

– Какого синего? Нет у него цвета! – заявляет Выкван, и братья вновь переходят к силовому обниманию, так и приглашая меня укрыть лицо руками и зачахнуть от скуки. Но я не сдаюсь:

– Ау, *эщулгыны* трёхлетние! *Рытымлятык*! Да прекратите вы!

– Так что там с воздухом? – высвобождается один из братьев.

– Так что там с Марко? Что за массовая истерия на пустом месте?

– Почему на пустом месте? Не каждый день у нас умирают вожди ноосфер.

– И вчера никто не умер, – заявляет другой. – Ностро Дуэлло до сих пор от него сигналы получает.

– Да кто их видел, эти сигналы? У всех прервались, а у этих продолжаются? Да им просто выгодно отрицать, иначе полный *пылкэтык*. Уже и так никаких союзников, даже самые терпеливые бросили.

– Не бросили. Не бросили! Рокировку делают.

– Какую рокировку? Очнись, умник!

– Сам дурак. Не понимаешь, как мир устроен? Да там такая сложная игра, что *аё рынэтык*! Давай, пешка, радуйся,

кушай травку, спокойное стадо – спокойный домен. А через неделю Марко лично оживёт. Трупики собрать и победу отпраздновать. А за ним и Врахшт подтянется. С флотом. Замыкать свой пояс.

– И что?

– Что, что, валить надо! Переключаться, пока устойчиво. Или ты думаешь, нас это опять не коснётся. А вот коснётся! Да так, что *кьяй в пукытым!*

– Ха, страшно? А ты не бойся. Чай не крыса на корабле. Вовлечённость нейтральная, мозгов на полтора кило.

– Ой, ну за мозги спасибо.

– Обращайся, у меня их много.

– Гхм, – напоминаю о себе, – Так это тот самый Марко де Лукво?

– Нет, это мой плюшевый хомячок. И он, зараза, сдох. Славик, ты чего? Эту весть ещё вчера замусолили во все щели. Ты где был?

– Где был, там не всплыл. Так я не понял, а одмины что?

– А что одмины? Они же тормоза, ты же сам говорил.

– Тормоза-то они тормоза, а о состоянии любого узла знают лучше, чем сам узел.

– Славён, ты чего? Ты про каких одминов говоришь? Которые сто лет назад были? Ты же сам говорил, что они *кукылы* беспомощные. Ну, помнишь, у них в бородах недельный запас еды. А ещё я слышал, что они считать не умеют. И видят плохо. Могут к первокласснику обратиться на вы, а це-

лой толпе сказать: «Ты что тут делаешь?»»

– Да при чём тут это? – врывается в бой Петя. – Как им удобно, так пусть и говорят. Откуда мы знаем, как они свою ноху делят?

– Вот именно, – говорю я. – Уж про эту крысу одмины знают больше, чем всякие там зоты Врахшты.

– Марко не крыса! – замечает Петя, и пока Выкван не возразил, я продолжаю свою мысль:

– А молчат, потому что слишком неустойчивая персона. Сами знаете, он уже не тот, что в молодости. Или с ним *уже* что-то случилось, такое, что уровень ГЭ важнее правды. Кстати, заметили, как у нас фон подскочил?

– Хы! У нас каждый месяц фон скачет, – ворчит Выкван.

– И что, ты думаешь, с ним стряслось? С Марко. И с фоном тоже, – спрашивает Петя.

– Ну... не знаю. Горячая смерть? – отвечаю я.

– Что за *гыргын*? – спрашивает Выкван. – Мы разве проходили?

– Проходили, – говорит Петя. – Только нам говорили, что это миф. Или что-то устаревшее лет двести назад. Разве не так?

– Не помню, – признаюсь я. – Но вроде бы, ну, если такое происходит, то как раз одмины и ведут себя неадекватно. Вылезают на улицу, ищут кого-то. Или я с чем-то путаю?

– Да сдох он, я же говорил! Горячей смертью, холодной, какая разница?

– Выкван, заткнись!

– Сам заткнись, не путай человека!

– Да человек сам нас запутал. Марко, он же кто? Он вообще не из нашей нохи, как он мог умереть горячей...

– Да откуда ты знаешь?!

– Да вот, смотри, написано, «горячая смерть – это...»

– Да что ты мне суёшь?! *Пэркыён для эцулгынов...*

– *Рытымлятык!*

– Э, братаны, братаны, хватит...

– Так, тихо, садимся все, – входит преподаватель. – Вы что, совсем?! А ну расцепитесь! Пожалуйста.

Голубки садятся, виновато сутулясь. Вот так, стараешься, провоцируешь, а преподаватель добрый, даже не выгоняет. Хотя в каком месте я тут старался? Ни в каком. Скучно.

– Извините за опоздание, – говорит педагог. – Так получилось. Не обижайтесь, хорошо? Вот. Я вам новую гуцу принёс. Двадцать седьмая модификация. Но вы не бойтесь, она почти такая же, как двадцать пятая, только... сейчас, сейчас. Я вам подскажу различия, если вы не против. Итак...

Ну, и что замолчал? Не знаешь, за что ещё извиниться? Чувствую, этот мастер дипломатии меня доконает раньше экзаменов. Невысокий, невзрачный, неспособный обыграть голосом что-то сложнее знака вопроса... и добрый до тошноты. Он, наверно, всерьёз думает, что все его любят. Конечно, как такого не любить? Сдохнешь от любви холодной

смертью и будешь рад, что отлучился.

– Ну, приступим к лабораторной работе? У всех есть гу-ща?

У всех. Передо мной лежит тарелка, а на тарелке светло-коричневый зернистый кубик, вернее таки параллелепипед, и то неровный, как комок песка. Или как сухарик. Нет, всё же как песок; от сухаря хоть какая-то польза, его съесть можно.

– Тут всё как обычно, подключаем консоль, – поясняет преподаватель, дополняя себя текстом. – Проверяем шаблоны дескрипторов с помощью функции `enumGTStateDataNWD`. А потом, будьте внимательны, вызываем `getValidListSFD` с параметром `SFD_CHECK_VALID_STATE_PRECONFIG`, да, в этой версии нужно его задавать явно. Ну а дальше, правильно, как обычно, `setSPDUserConfigDesc` и `checkSPDUserConfigDGW...`

`GetSetCheck...` тьфу! Они бы ещё латынь сюда приплели. Тоже мне передовая технология. Техпроцесс трёхсотлетней давности. Да эта гуща устарела ещё при моем прадедушке, да ею даже подтираться больно. Или что, я зря возмущаюсь? В следующий раз каменный топор будем проходить?

– Пожалуйста, запускайте осторожно. Если гуща рассыплется, не дышите, пока полностью не осядет. И не забывайте про отладчик. Всё понятно? Вопросы есть?

– Да, – доносится сонный голос слева от меня. – А это что,

уже лаба?

Раздаётся жиденский смех. А мне не смешно, мне тошно. Его зовут Андрей. Он живой человек и даже мой ровесник, хотя по лицу и не дашь. Вернее, не скажешь, дать-то всегда можно. Лицо у него вообще вне возраста, как и волосы, густые, цвета пожухлой, рыжеватой травы. И что-то в нём ещё есть такое... тошнотворное. Голова что ль какая-то кривая? Откуда он, вообще, взялся на мою шею? Из какого дупла?

– Слышь, ты это... – шепчу, не поворачиваясь. – Того что ль? Пальчиками пошевели. Не шевелятся? Ау, есть кто дома? Али продали всех?

Препоод морщится в мою сторону, но на больший пафос не решается. Андрей сидит как замороженный. Да у него глаза, похоже, двигаются раз в день. И с этим бамбуком мне придётся все лабораторные выполнять?

– Больше вопросов нет? – спрашивает препоод. – Тогда, пожалуйста, приступаем.

Уже? Что-то я торможу. Ладно, приступаем так приступаем. Я погружаюсь в кабинет и первые секунды даже радуюсь уюту, где нет места тошным соседям, голосам и эмоциям. Можно думать своими мыслями, не обдирая их об острые углы.

Итак, учёба, первый курс, лаба такая-то, гуща, стандартный канал, консоль... какая ещё консоль? Опять кафедра перетасовала все ядра? Вроде никаких объявлений. Или я не в том порядке усвоил? Ладно, пусть будет нулевая. Что

там дальше? Дескриптор? Шаблон? А куда консоль делась? Тьфу!

Чувствую себя осьминогом, которому надо засунуть восемь щупалец в девять дырок одновременно. Что-то я не в форме. Одно вспоминается, другое исчезает, итого плюс два к озлобленности. Вообще, какого *гыргына* я всё делаю один? От соседа ни одного нерва на помощь, к остальным доступа тоже нет, даже препод закрыл свою дурную голову, ну как же так? В школе так строго не было.

– Эй, братья! Ау! Что делать-то? Я прослушал.

– В консоль входить, – недовольно отзывается Петя.

– А дальше что?

– Библиотеки подключать.

– Какие ещё библиотеки?

– Стандартные, трёхмерные. Отстань, – парень пшикает и утыкается в свой сухарь. Вот гады. Не видать им готовых схем на экзамен. Впрочем, видать ли их мне, тоже пока вопрос. В школе с этим было проще. К тому же в школе был Пашок со своими...

– Рось, что-то случилось? – подплывает препод. – Вопросы? Что-то вы не продвинулись.

– Амм... – пытаюсь вылепить вопрос, но злость путает карты. – Нет, нет, всё замечательно. Мы просто это... исследуем методологию. Чтобы сразу хрясь – и на отлично. Спасибо, что посадили вдвоём. Мы тут просто как три мозга в одном!

Да, да, в одном. Не в двух. Хлопаю Андрея по плечу. Тот качается как несмазанный болванчик.

– Слышь, три мозга в нуле, ты знаешь, что делать? Рассыпать сухарь, а дальше? Что вообще за консоль, по какому каналу? Их же много.

Молчит Андрей. Даже ресницами не повёл.

– Понятно. *Гьрголвагьргын!* Время идёт, а у нас ещё конь не валялся. Мы что, тут одни такие *кукылы?*

Похоже на то. Две девицы на первых рядах в матчасти явно шарят, хотя массы у них больше не во лбу, а ниже, причём массы сугубо жировой. Помню их ещё со школы. Они уже подключились к сухарику и даже собрали какую-то фигурку, явно не на две строчки кода. Что-то длинное, цилиндрическое, с утолщением на конце. А вот особы, сидящие позади них, весьма симпатичные. Впрочем, по поводу их пола имеются куда большие сомнения. Ладно, а что там наши главные лодыри? Вот гады, тоже корпят. Зажмурились и наморщили лбы, не замечая, как смешно елозят по их лицам солнечные зайчики.

Да, на улице хорошо. Свежо и солнечно, не то что вчера. Решил быть прилежным, не посоветовавшись с пятой точкой, и зря. Копчик сползает к обрыву стула, но за обрывом ничего нет. Пустота. Скоро перестанет сползать. Верхние полусферы ещё будут задавать вопросы: «Зачем я здесь?», «Кто все эти люди?», но займутся не ответами, а чем-то другим, важным, полезным, исконно человеческим, восхожде-

нием по лестнице успеха в заоблачную асфиксию. И будет в конце надпись: «Турбослав Рось; окончил Первый Новолитарский Техникум. Красавчик, вектырь-жокей, дипломированный специалист, никто. Место на *Цходе* после сжатия: ноль. Спасибо за жизнь. Всегда ваш, Орден одминов».

Нет, надо браться за ум. Я вектыри сам освоил, неужели с этой чепухой не справлюсь?

– Ой, рассыпалось.

– Подожди, не трогай, дай разобраться.

– Красивый узор. Ты когда-нибудь встречал дверь?

– Подожди, котёнок, не мешай.

– А мне сегодня ночью не спалось. Всё думала... помнишь, как мы на той неделе на маяке...

– Тс-с-с... э-э, мы не были на маяке на той неделе.

– Не были. А я вот вспомнила. Стояла, смотрела в зеркало, и там ещё Рэм...

– Какой Рэм?! – белобрысый парень вздрагивает и зажимает подруге рот.

– М-м-м! П-ф-ф! Да не волнуйся ты, в норме ГЭ. Не веришь?

– На какой руке у меня пальцы? Отвечай!

– На левой и на правой. Доволен? Я же говорю, всё обошлось. Это я.

– Кто такой Рэм?

– Да, господи... Ромка, бывший мой. Забыл что ль? Ты ж

его сам...

– Почему тогда Рэм?

– Ну, не знаю. Я иногда зову его так. Нет? Не зову? И правда, дурацкое имя. Э-э-ы. Кстати, а мы с ним на этом маяке раза два...

– Почему тебе не спалось ночью и почему ты смотрела в зеркало?

– Ну, не знаю. Раньше гадали так.

– Гадали? Гадали?! Ты понимаешь, что ночь и зеркала повышают уровень ГЭ...

– Горе ты моё, да знаю я! Просто одиноко стало. Ты прости, что я вчера так на тебя. Я не хотела, само вырвалось. Давай сегодня на маяк...

– Подожди. Что дальше? Что ты видела в зеркале?

– Клима Румяна. Он гладил по головке зота Врахшта.

– Чего?!

– Шутка. Ничего я не видела. Опять не веришь?

– Ты следила за уровнем ГЭ? Он повышался?

– Да, повышался. Доволен?

– Нет!

– Я тоже. Я, может, сама испугалась. Даже ритуал проделала. Простенький. Не знаю, помог он или нет, но всё обошлось. Как поднялось, так и упало. Просто глупые мысли. Стоишь ночью, смотришься в зеркало, а в зеркале сзади тебя кто? Правильно, никого. Воздух. И искорки в глазах. Оттого, что жмурилась. Чтоб слёзы не текли.

– Кхм. Просто символы, не входящие в домен ассоциаций... ладно, извини. Я просто не хочу, чтобы с тобой случилось... случились ра... сама знаешь, что.

Парень вздыхает, нахмутив брови. Потом подносит руку к глазам и шепчет аккуратно в центр своей массивной ладони.

– Рука! Ладонь! Пятерня! Пять пальцев! Кожа!

– Вот, молодец. Ещё раз, – отзывается подруга. – От твоих претензий больше неустойчивости, чем от моих... недо-разумений.

– Не смешно. Мы живём в лакуне. Тут на днях что-то случилось. Ты видела живых одминов?

– Нет.

– А они были. Прямо на улице. Я не знаю, что им нужно, но сегодня я тебя не отпускаю, пока не проведём ритуал здравого смысла. Попробуем настроить тебе среду снов. Признавайся, вгоняла лишнюю мять? Чтобы сны видеть красочнее. Вот и зря. С этим лучше не шутить. Ничего, я тебе помогу. Настроим тебя так, чтоб ты вообще не просыпалась. Среди ночи.

– Лучше бы не отпускал меня спать одну.

– Что?

– Тс-с-с, препод идёт!

– Угу. На чём мы остановились? Ошибка в команде. Не пойму. Сейчас.

– Да ладно, не мучайся. Давай, я спрошу?

– Не ответит.

– А вдруг?

Девчушка вертит головой и без труда ловит мой взгляд. Тормоз же у неё парень. Меня чуть не сносит её игривой улыбкой, а он хоть бы оглянулся. Хоть бы спас меня от этого распрекрасного лика.

Ну и подбородок же у неё. Она им, небось, сама себя удовлетворять умеет. То-то парень даже головы не поднимает. Не хочет лишний раз... любоваться. Что он, вообще, нашёл в этой «красе Новоултарска»?

Отворачиваюсь, пытаюсь вернуть сознание в уютный кабинет, но всё равно краем глаза вижу тоскующее треугольное лицо с нижней челюстью, похожей на перевёрнутую гордость носорога. Всё так же смотрит на меня. Тоскует. Надеется. Нет уж, спасибо, как-нибудь в другой раз.

Лучше бы сразу стошнило. Представляю это трепетное создание без одежды, в сантиметре от моего беззащитного лица, и как мы с ней мутим жёсткий *пукынвык*, раскачивая соседский забор... даже сморщиться не успеваю. «Подборожество» слетает, как маска, обнажая умеренный овал; близко посаженные глаза наращивают дистанцию; зализанные чёрные пряди распушаются густыми водопадами; бледная кожа словно покрывается слоем тончайшего песка... эх! Хоть выплёскивай на холсты белой комнаты и жди, когда картина оживёт. Даже имя не забылось. Эля, чтоб тебя... счастьем во все дыры.

Отвлекаюсь. Опять отвлекаюсь. Так, что там у нас, биб-

блиотеки подключить? Библиотеки, библиотеки... какие библиотеки? Память как вата. Как искусственный мех. Ну же, хвостик-амулет, помоги мне, ты же талисман? С тобой так уютно, что, кажется, снимешь, и на один палец станет меньше. Только мне не до уюта. Мне бы учебные материалы. В виде готовых ядер, а не урывками с кафедры по типу «расположи, соедини и скомпилируй». Не могу. Не хватает... щупалец. Не хватает таланта принять с миром то, какой чушью мы тут занимаемся.

– Да нет, всё просто, смотри...

Отличницы заговорили. Те самые, которые слепили себе... о, когда это они успели всё переделать? Теперь у них какой-то механизм, и он даже крутится, посрамляя всю учебную программу. Что они вообще здесь делают, в этой дыре, которая даже нянек не готовит? Издеваются над неучами? Нет бы подсобить. Ну же, русалочки, спасите меня из пучины, не доплыву до буя.

– ...Яркий, и держится дольше. Корни питает, во.

– Нет, мне такая чёлка не идёт. Как-то сразу полнит. Да ещё, вон, топорщится.

Да нет, тебе тоже идёт, и чёлка у тебя – твой последний недостаток, ага... да ну вас! Знойные женщины. Помогли бы хоть, раз нечего делать. А я вам за это... нет, что-то мне страшно влезать к этим красавицам в долги.

Пока я сокрушаюсь, тема разговора меняется:

– Так вы из-за этого расстались?

– Нет, конечно, – говорит та, которую полнит даже чёлка. – Я что, истеричка? Просто он утверждал, что при СРазуМире не проводилось генетических манипуляций с населением.

– Дурак! Может, ещё и операции «Полип» не было?

– Нет, тут он начитанный. У него отец историк, просто блестящий. Конечно, сын в отца не пошёл, но рассказывать умеет. Рассказывал он просто потрясающе. Про Щепь, про бедуинов, про агонию СРазуМира. Про операции «Мимо» и «Полип». Про то, как появились ритуалы здравого смысла. И как мёртвую память изобрели. Целые мысли брали и записывали. Без всяких там слоёв абстракции. Теперь никто так не умеет.

– Скучаешь?

– Я? Ни за что! Просто... осень. И как-то суетно последнее время. Вот сладим досрочно, уговорю своих на юг слетать. Куда-нибудь... не знаю. На Хоккайдо.

– На Хоккайдо? Ну да, там есть хорошие историки. Но ради тепла я бы туда не летала.

– От тебя ничего не скроешь.

– Прости.

– Нет, ты права, ну его. Из-за неучей страдать? Лучше куда-нибудь на запад. В Африку. В Египет.

– Смотри, не сгори там. Кстати, куда там наша бедуинка уехала? Вроде тоже в те края?

– Кто её знает? У неё же целый бзик был на скрытности. Эля Новоултарская, женщина-загадка. Смешно даже. Чтоб иметь загадку, нужно хотя бы иметь голову на плечах. Я не права?

– Ну, у неё-то голова на плечах была. В отличие от её сестры.

– Да ну, какая голова?

– Красивая голова.

– Тоже мне раритет. Да ей просто фору дали. Стукнули да подставили щёку. И то зазря. Где она теперь? Глупым везёт, а они всё равно в тупике. А умные, наоборот, на этих ожогах только сильнее становятся.

– Ты прямо потеплела к ней.

– Да нет, – стыдливо смеётся. – Просто завидовать легче на расстоянии. Но я действительно горжусь, что была в одном домене с такой личностью. Говорят, она из этой... Рось, подслушивать нехорошо.

– Турбослав, ты опупел?! – воспаляется её подруга.

– Всё, всё, всё! Тс-с-с, – поднимаю руки, словно вплющенный в ударную волну её взгляда. – Ухожу, ухожу! А что, у Эли есть сестра?

– Ну всё, я тебя сейчас...

– Какие-то проблемы? – подходит преподаватель. Подходит, как ни странно, к барышням, но съёживаюсь, как ни странно, я.

– Нет, всё в порядке, – говорит та, что красивее... нет! –

та, которую не вытерпел даже сын историка. Говорит она так, что ложью за семь метрик воняет, но преподаватель верит ей с полуслова.

Кажется, всё-таки влез я в долги к этим прелестницам.

Препод уходит. Я тоже ухожу. В себя. Буквально втаскиваю своё эго в личный кабинет и прикладываю носом об стенку (так его, неуча!), о привычную стенку, затянутую нескучной трёхмерной обоей, осточертевшей ещё год назад. Лёгкий истребитель «Варненас» с включёнными маршевыми двигателями. Красиво так, что холодок по коже. Каждый мальчишка мечтал о подобном; да что там, каждый второй заявлял, что имеет такую, а то и круче – например, тяжёлую «Ауслинду». Легко задираться, когда чужой кабинет – потёмки, даже одминам нет доступа. А ещё родители не разрешали: столько мяти на фон для рассудка – губу закатай! Не закатывается. Кто-то канючил, кто-то собирал по частям, кто-то менял у старших или у младших отнимал, а кому-то доставалась щедрая семья, и даже в прихожей висели крутые голограммы. А ведь прихожая – это не хухры-мухры, прихожую видно всему миру, а значит, и требует она исключительно открытый формат, отжирающий тонну мяти. Ничего, прорывались. Помню, Пашок, любитель умных головок, неделю заставлял нас умиляться над портретами творцов «Мелинайи Геле». Я так вообще пару дней бунтовал: пугал детей летучей крепостью «Аргш». Потом дали втык и велели вернуть хозяевам. В общем, дорогое удовольствие – разукра-

шивать прихожую. В кабинете куда приятнее. Ноосферный симбионт подавляет шумы в нервах, и стены рассудка имеют такой гнетущий чёрный цвет, что их завешивать сам Орден советует. Главное, чтобы не отвлекало. Что-нибудь спокойное, милое, тёмное. Космическое. Тот же «Варненас». Или транспортник «Балтас Лайвас». Он у меня висел где-то справа, вдали от основных мыслей. Теперь на этом месте красуется портрет первого заместителя министра обороны. У неё такие забавные, ярко-розовые соски.

Однако я увлёкся.

Итак, что мы имеем? Двадцать седьмая модификация. Вошли в консоль, прогрузили среду, записали рыбу, настроили...

Сухарик рассыпается, и я толкаю Андрея, придурка, не вовремя запустившего программатор. Или это я запустил?

«...Бедуинка». Я помню. Даже это помню. Хотя её никогда так не звали. Это была её загадка. А загадку не говорят. Загадку молчат. Так принято.

Эля. Так мало звуков и так много воздушного, бестелесного, волнующего. Эля. Эля. Произноси, пока не сотрёшь альвеолы. Не потому ли её так редко звали по имени? Грубый мир недостойн идеальных словоформ. Элюсик, Ляська, Лёля, Ленок, Ленор, даже Ёлка – что поделать, близким подругам только дай посюсюкаться. А неблизких у неё не было. У принцессы только фрейлины, озабоченные женихи и на-

род – дикий и неотёсанный. Но я всё равно звал её по имени. Потому что мы – не они.

А вообще бедуинов я люблю не за это. Когда пришёл Песец, экономики пустынь рассыпались как карточные домики, и выжили не оседлые слабаки, а другие, настоящие, «тёмные», которые плевали даже на Разумный Мир, а после падения СРАМа ещё лет двести не выпускали в себя ноосферу. Потому что чихать они хотели на спутанный рай, на пастухов-одминов и на стадо узлов, которым дополненное сознание дороже свободы. Сейчас таких нет. С нынешним дефицитом мяти за любой свободной извилиной такая охота, что на Плутоне достанут...

Как бы то ни было, СРАМ не проводил генетических манипуляций. Такие красивые люди могли получиться только от природы.

Так, всё!

На чём мы остановились? Библиотеки! Библиотеки компонентов... невероятно, у Эли есть сестра. Может быть, даже близнец. Да нет, наверно, старшая, закончила школу, вот мы и не виделись. Тем круче! Интересно, как она сейчас выглядит? Как её зовут?

Всё, не могу больше. Вы издеваетесь? Столько времени прошло, почему сегодня? До весны ещё полгода. Даже щекастые лица отличниц не отторгают, не спорят с моими вкусами. Просто проплывают мимо. Память растворяет их как краски, и рисует картину, старую, как половой способ

размножения. Спасибо, прядь вашу! Разбудили. Однако, вы от меня так просто не отделаетесь. Всё вы, барышни, знаете. И мне всё расскажете: где сейчас Эля, почему не откликается и какого *гыргына* мы ничего не знали о её сестре.

– Эй! Славик, ау! Ты оглох?

– Ты чего орёшь? Через гостиную не можешь?

– Да ты не пускаешь. Закрылся ото всех, мечтатель-улыбатель. Какую пакость планируешь?

– Тридцать восьмую. Так что там у тебя?

– Я спрашиваю, ты пойдёшь на Клима Румяна?

– На кого?

– На Клима Румяна. Он прямо сюда, в шарагу приезжает. Придумаешь какой-нибудь сюрприз? Ты же умеешь удивлять.

– Угу. Значит, Клим Румян? Это хорошо.

– Вот! Слышите, *щамьки*? Обломались?

– Давайте... – продолжаю я, – Давайте пригласим его...

– На лодках покататься?

– Нет. Давайте пригласим его в наш замечательный лес.

– К чему ты клонишь? На пикник пригласить?

– Нет, пикник – это не по чину. Просто Выкван говорит, что там, в лесу, где-то валяется труп Марко де Лукво. Да, Выкван? Это же у него наш кандидат учился на шута?

– Чего?

– Того. Доучиваться надо. Лучше помоги мне с гущей, а то

я совсем завяз.

– Какая гуща, ты что, не втыкаешь, кто такой Клим Румян?

– Сам ты не втыкаешь, – встречается новое лицо. – Если собираешься идти на это чучело. Это ж кем надо быть? Ладно бы шутил интересно, так нет, *ыттын* же вонючий, а не агитация...

– А ты вообще молчи. Это тебе не фонари перекрашивать, это глобальная политика! Румян такие вещи говорит, что его старпёры из Верховных Пальцев боятся.

– Ага, боятся, что он своим бредом всю мять отожрёт. А он отожрёт! И не только у этих гадов, но и у простых людей, а у нас и так с мятью не *щацагты*.

– Мять, мять, одна мять на уме. Румян хоть не стесняется говорить, что есть ценности...

– Да какие ценности? Да он начитался сказок из слепых времён. А вы прихожие развесили, сами ему мять поставляете, за просто так. Да у него этой мяти уже столько, что *пэркыёна емык*, мог бы что покруче придумать, чем бляеть за сплочение против усатого брата.

– Да валить надо, *щамыки*! Если Румяна изберут, ты слово Щепь не сможешь даже вспомнить. Только под душем и в туалете при поносе, чтоб на людях не болтал.

– Да при чём тут болтал, не болтал? Это же Румян!

– Да ты послушай, что он вякает. Объединение, сплочение – да он СРАМарь, каких свет не видывал.

– *Рытымлятык!* Румян за Щепь!

– Заткнитесь оба. А ты вообще молчи. Не хочешь голосовать, живи за свою Щепь, корми инородных узлов, как ваши предки, авось ещё кого освободишь. Из лампы.

– Ха, а мы-то думали, куда вы все подевались? Это не твои родственнички заставляли наших предков замерзать голыми на...

– Да что ты понимаешь, щепенец? Да если б не ваши гадства...

– Да если бы не ваши проекты «Полип»...

– Вот именно! Ещё неизвестно, кто их вообще надоумил этими опытами заниматься, мозги соединять! Небось, ваши бандюги и надоумили!

– Да вы сами своих людей...

– Да ты знаешь, что СРазуМир строил? Да у тебя представить мяти не хватит!

– Угу, такое лучше не представлять, особенно на ночь.

– Что вы всё носитесь со своей Щепью? Что она нам дала?

Потерянный век?

– Век славы!

– Ага, и три века лакуны.

– А кто виноват, что у нас лакуна?! СРАМ виноват! СРАМ над нами целый век измывался, жёг, насилдовал, сломал нам всю подкорку, а потом тихо самораспустился и всё, мир? Любить и жаловать? *Рытымлятык!*

– Да ты баран неблагодарный! Да если б не СРазуМир,

ты бы родиться не смог. Твоего прадедушку бы съела твоя прабабушка, понял? Чтоб прожить ещё пару дней на морозе.

– Да что ты с ним нянчишься, добивать их надо, СРазу-Мир вперёд!

– Ну всё, СРаМари, вы нарвались!

Итак, они звались подрастающее поколение. Сообщество пыхтит на всю аудиторию, волей-неволей вербуя новых участников. Кажется, в ход пошли мышцы рук. Ангажнутая же попалась группа. Что же в конце будет? И, кстати, где препод? Я думал, он вышел, а он тут, склонился над механизмом с завитушками и что-то умильно обсуждает со своими коровоньками. Интересно, если ему по голове настучать, он таки сделает замечание? Или покорно отправится в целебный обморок, где нету суеты, а люди спокойны и обильны как мозгом, так и телом?

Не так я себе представлял Первый Новоултарский Техникум. Откуда все эти люди? Куда старых дели?

...Занят он. А я, думаешь, не занят? Я тут грызу самый гранитный гранит, прядь его за ногу, науки! Стану высококлассным специалистом, тоже, как и ты. Друзья, называется. Проще письмо нацарапать и с голубем отправить. На другой конец Земли. И, конечно, о том, что через два дня будет, ты не забыл, ты просто занят.

– Хватит уже! Замолчите!

Кто это распинается? Препод? Ну надо же!

– Рось!

– Да?

– Покиньте помещение.

– Чего?! Я-то тут при чём?!

– Это вы спровоцировали потасовку.

– Я?!

– Не отпирайтесь. В конце семестра пересдадите. А иначе к экзамену, увы, но допустить не смогу.

Бедняга, не смог выпалить на одном дыхании. Скатился в слабинку и тягу поскорей извиниться. Замолк, стиснув зубы, но всё равно проиграл, сам знает. Просто выигравших нет. Так что зря мои пальцы сжимают край стола, готовые зашибить им препода или хотя бы тишину. А ведь я мог бы метнуть его же гушу ему в глаза, так что придётся новые отращивать; или задушил бы его шестисвязными волокнами... если б изучил библиотеки «AdvDynamics» и «FibreLib» соответственно. Но я топчусь, медленно закрывая рот, и гнев утекает... да что там, опадает как ворох листьев, улетая в сторону света и радостных грёз. Как же всё не вовремя.

– Пожалуйста, побыстрее. Не мешайте другим.

– Иду, иду. А это же ваш сын работает в Институте Оксанонологии?

– За дверь, я сказал. Что вы хотите? Да, мой. Светит ли вам туда же? Нет, не светит.

– Да нет, я просто... это же его в числе прочих избили? Ну, вчера ночью. Ранним утром.

– Ещё одно слово...

– И будет на одно слово больше. Извините, уже на десять.

– Рось!

– Я просто хотел узнать, из-за чего сыр-бор. Почему Бельшев...

– Всё, я не хочу вас слушать! Уходите, а то...

– Всё, всё, всё! Иду.

* * *

«Надо расспросить гущевика, когда он откроется для вопросов. Может, хоть объяснит, что за тайна века? – сказал я себе ещё вчера вечером. – Он же мягкий, упираться не станет. Не то что его сынок. Только бы не забыть. Самое главное: не забыть». Ан-нет, не главное. Главные в этой жизни слова – это «спокойно» и «дотерпеть».

А вообще, приятно возвращаться на предначертанную дорогу. «Хорошая погода!» – говорит не только пятая точка, но и глаза, да и кожа всеми волосками за. Трава и кустарники лениво шуршат, испытывая свежие оттенки жёлтого и багряного. Впрочем, зелени ещё много; видать, поверила в мощь неожиданной оттепели. Оттепель почти иссякла, и низкое солнце едва греет, но каждый красный листочек просто пламенеет от его лучей. Вдыхаю. Воздух подсох, так что не очень холодно, несмотря на голубизну неба, обнажающего Землю на смех прославленным космическим морозам. Какой-то *рыкылкыл* висит над портами, как россыпь серо-си-

них щепок. Что-то разгружают. Облака обходят их поверху, не задевая даже тонкие, едва заметные нити дыма, уходящие в бездну. Пузатые, освещённые солнцем, но всё равно холодные, облака проплывают поверх холмов, оставляя жёлто-серые светотени почти планетарных размеров.

Да, в Новоултарске существуют цвета. Наш город вообще город цветов. Вот, например, фонарные столбы уже не голубые, а серо-зелёные в розовую крапинку. А завтра будут ещё какие-нибудь серо-буро-малиновые. Или, вон, молодой человек стоит, тоже серо-зелёный, только крапинки не видно, а так очень похож. Интересно, вчера он тоже был голубой?

Фонари стоят рядком до самого конца улицы и не двигаются. Молодой человек стоит в одном ряду с ними и тоже не двигается. Мимикрия, однако. Хотя нет, шевельнулся. И не просто шевельнулся, он уже всю машет верхней частью тела. Верхняя часть тела включает в себя торс, голову и две руки. Все эти члены извиваются эффектно и пластично и должны по идее напоминать языки пламени, но напоминают конвульсии придавленного паучка. Странный танец. Ну вот, опять застыл. Где остальные люди? Где гостиные? Где мять? Лучше бы фонари вот так же станцевали, и тогда я бы честно удивился, а не корил себя за то, что отвлекаюсь на всякий *ёпатык*.

Всё, хватит созерцаний, пора за дело.

Я выхожу на середину дороги с какой-то ясной целью, давно разосланной по всем конечностям и потому невырази-

мой словами. Видимо, зря. Торможу и оглядываюсь. Чувство брошенности пролетает навывлет, но оставляет след. В самом деле, почему так безлюдно? Где мячики с мальчиками, где рыбаки? Кто-нибудь в этом городе ещё умеет шевелить нижней частью тела?

Умеет. Целых две фигуры. Они идут в мою сторону не спеша, успевая прописаться в пейзажах весьма выгодным образом. Идут вместе, не отпуская друг друга (в отличие от некоторых) не только из жизни, но и из объятий.

Вот это уже интересно. Кто из наших с кем замутил, почему я не знаю?

Никто; чужие люди, взрослые, мужчина и женщина средних лет, старше меня раза в три; может, даже старше моих родителей. Хотя выглядят молодо. Или просто ведут себя так. Улыбаются, смеются, шепчут на ушко, склоняют головы друг другу на плечо и рисуют пальцами воздушные фигуры, видимые им одним.

– Здравствуйте, – зачем-то говорю вслух, хотя специально отошёл к фонарю, чтоб не заметили. Даже улыбку напялил, идиот. Сейчас опомнятся, начнут орать, что я довёл их сына до боли в ягодицах или дочь до боли в других местах... да никого я не доводил, сами за своими детьми следите, а мне вообще...

– Здравствуй, – молвит женщина нежным контральто. – Как дела? Ты один гуляешь?

– Я? Ага. Да. Один.

– Как мама с папой?

– Ничего, нормально. Спасибо.

– Всё в порядке? Ты какой-то грустный.

Да нет, не грустный я. Я удивлённый. Они смотрят на меня как на любимого племянника, не размыкая объятий, и я, глядя на них, волей-неволей вижу вестников из страны вечного счастья и весны. И по ходу дела замечаю, что у мужчины синяк на подбородке и чуть выше, под скулой, а у женщины рассечена бровь и нехорошая ссадина на щеке. Однако же!

– Кого-то ищешь? – спрашивает кавалер.

– Я? Я нет, я просто... всё в порядке.

– Пошли с нами? Чайку попьём.

– М... нет, спасибо.

– Ну ладно. Будь осторожен.

И вот стою я на дороге и провожаю взглядом теперь уже спины счастливых людей. И начинаю соображать. Хотя соображается туго, слишком красиво они удаляются, слишком эффектно ложатся волосы на ветер, а пальцы – на талию. Только шаги отдают угасающей хромотой. Кто же их так? Если я вчера со стольких-то метров шандарахнулся, а у меня почти все ссадины зажили, то что же с ними? Неужели Бельшев увлёкся тотальным *кыпльком*? Ему же за это полный *пылкэтык*! Всё-таки что за пара? Сейчас, сейчас...

Кожины. «Любимчики» моих родителей. Тьфу-ты! Или не они? Что-то не похожи на несчастных супругов. Конечно, после ссор у людей обычно принято мириться, но не до та-

кого же прямо блаженства? Может, какие-то плюшки себе установили? Успокоительное. Предки говорят, что семейка не бедствует.

Гырголвагыргын, меня ноха за идиота держит?! Ромео и Джульетта Потрёпанные; конечно, прядь вашу, будем вместе в горе и в радости и умрём в один день, и в одном кадре одмины унесут нас в чертоги Цхода, тьфу! Вот и верь, что с возрастом ума прибавляется. Полижетесь месяц, а потом очнётесь и будете грызть друг друга, дубль двадцать, баран и старые ворота. Да чтоб вас...

...Красивые. Красивые, несмотря на ссадины и синяки. И он, и она. Усы у него великолепны. А у неё руки красивые, чем-то неуловимо. А ещё скулы. И волосы. И... Слушайте, а у вас не завалилось лишней дочки репродуктивного возраста? А лучше сразу двух!

«...Нервные клетки наращивают связи, только если постоянно загружать их новой работой, новыми слагаемыми гармонии и красоты, – лопочет уютно одетая личность, смахивающая на ротана. – Наши инициативы впервые в истории идут в русле принципов Ордена одминов и даже опережают их. Повышая ёмкость наших нервов, мы оживляем экономику и инвестируем в будущее всего человечества...»

Отрываю руку от фонарного столба.

«...Обновление оптических поверхностей раз в месяц не отвечает потребностям мозга в новых впечатлениях,

и нам удалось добиться сокращения этого интервала не только в общих чертах, но и по существу, причём в наиболее радикальном варианте...»

Гырголвагыргын, да уберитесь вы из моей головы! Отворачиваюсь. Так-то лучше. Зрительный контекст. Фонарь исчезает из виду вместе со своей информационной соплёй. На самом деле как раз одмины и запретили городу «следовать в русле» чаще, чем раз в сутки. Даже выносили это самое... ну это... интересно, мне сейчас фонарь мешает вспоминать? Или я сам разленился?

Всё, надо что-то делать, время идёт! Я же собрался... куда я собрался? Забыл. Ходят тут всякие, сбивают с мыслей. И вообще, что за манера у педагогов – наказывать, освобождая? Или он надеялся, что я таки зашибу его столом?

Мой друг Мэмыл однажды сказал, что лучше перехулиганить и попасться, чем недохулиганить и выкрутиться. Мы ещё тогда поспорили, сумеет ли он повторить эту умную фразу. Не сумел.

Дорога тянется в обе стороны: в правую и в левую. Левая сторона ведёт к берегу, правая – к лесу. Если упереться лбом в фонарный столб, то стороны поменяются, но дороги видно не будет. Так что я опираюсь затылком и вполне доволен своим выбором.

Итак, что мы имеем? Родители дома, но заняты по работе. Алеся в школе и занята учёбой... а также первыми ухажёрами. Вектырь в лесу (*пукытымом* чую!) но искать его надо

старательно, а не как вчера...

А ну его, этот лес. Скукотище. Нагряну как я на причалы. Не хотят по-хорошему, придётся телами. Забыли, небось, как выглядит красавчик Турбослав? Ух, там, наверно, до сих пор все на взводе! Обязательно зайду в Корпус нянек. Поболтаем, обсудим Бельшева и его сучью вовлечённость – пусть расскажут, какая муха его укусила. На этот раз. А там уж выпьем метанолу и поглумимся вместе. Единственное, говорят, что местные юноши и девушки (не перепутать бы... с их родителями) глумиться не умеют. Только обижаться.

Тогда сразу на берег, к рыбакам. А что, девчонки у них, конечно, неразговорчивые, но красивые, заразы. По крайней мере, те, которых я помню. Жалко, всерьёз не воспримут, но ничего, зато какой эффект! Выходит такой Бельшев, ещё не красный, и видит меня в объятьях этой самой, как её...

«Плыви на буй...»

Гьрголвагыргын!

В другой раз. Отделяюсь от фонаря и поворачиваю направо. Я иду в лес, и пусть меня стошнит от него прямо там. Я иду в лес и не встречу ни Бельшева, ни прочих демонов духоты, зато смогу спокойно, без помех и затрат на фильтрацию контекстов, просто пообщаться с друзьями. И только попробуйте сослаться на занятость. Я вам эту занятость засуну в занятость и проверну три раза. Да, Мэмыл, даже тебе эта процедура не понравится. Так что давай, вылазь. И ты, Пашок, у меня к тебе дело есть. Элю помнишь? Почему мы

не знали, что у неё сестра есть? Или это только я не знаю? И как она выглядит? Если ещё и тельцем не хуже, то... ну извини, извини, не хотел бередить зависть. Просто ты единственный, кому по силам найти узел, если найти его практически невозможно.

«Извините, я сейчас не могу общаться в связи с состоянием глубокого сна», – доносится до меня ответ, минуя сотни транзитных узлов. А может, и не сотни. Формулировка настолько привычная, что наверняка буферизуется.

«Отвянь, я сплю!» – прилетает, словно баллистический плевок, из другого мозга. А может, и не мозга. Такому хамству можно хоть седалищный нерв научить.

Ну да, часовые пояса, помню. Забываю, что вы теперь паиньки. Занятость, режим, не до ночных гулянок. Жаль. А я вот тоже буду ночью спать. Мне понравилось. Сны – это самое безопасное из неустойчивого. Сегодня так хорошо выспался! Хочу повторить. Без ссадин, обид и бородатых людей, которые, в отличие от некоторых, не стесняются забрасывать в эту глушь свои ленивые титулованные тушки.

Ах ты ж прядь вашу за ногу! Легки на помине.

Прячусь за фонарь. Одмины выплывают из-за угла, словно тяжёлые крейсера. Остановились. Что-то обсуждают, переминая в руках туго свёрнутые тряпки. Кого, Кожиных обобрали? Кстати, где эти голубки? Вроде бы в эту же сторону шли. Или спрятались, как я, за фонарь, чтобы второй раз

не покалечили? Кто ж от одминов за фонарём прячется?

Только несравненный Турбослав Рось. Но бородачи упорно делают вид, что не замечают меня. Хороший знак. Значит, я у них не первый на очереди.

Но какого *гыргына*? Кажется, кто-то велел забыть неудачный разговор и никому не рассказывать. А сами решили весь город переполошить? Сейчас сбежится детвора: «Живые одмины! Живые одмины!» А я окажусь виноватым.

Однако же, второй день на своих ногах! Значит, не обознались. Не прав братец Петя, не миф, не детская страшилка, вечно молодая, потому что никто ею не увлекается. Может, и Марко де Лукво с этим как-то связан?

Да ну, бред. Просто сбой. Всплеск уровня ГЭ. Лакуна же. Вечно что-нибудь теряется. Или, наоборот, всплывает. Да ещё сами одмины профилактику любят – дай только повод, разомкнут всё к чёртовой матери, чтобы ра... чтоб возмущения не распространялись, вот! И не придерёшься – на дырявом корабле переборки важнее, чем груз. А то, что со всего корабля задраят исключительно меня – так это «ради вашего же блага», и опять не придерёшься – сами признали, что беспомощны в нашем плюгавом городишке. В общем, старая песня на новый лад.

С другой стороны, как он там говорил? «Горячая смерть на домене?» А что такое домен? Мы проходили, что ноосферы оптимизируют метрики и домен уровня первичных затрат энергии похож на зону мозга, то есть вполне себе ло-

кален. Как, например, наш город с окрестностями и захолустьями – то, что многие даже ртом зовут не иначе как Русин-Дварис. Но это идеальный случай, на практике существует общая память, сильные связи, а также инерция, миграция...

Как быстро вспоминается программа выпускного класса! Недооценил меня экзаменатор, совсем недооценил. Что там было? Гетерогенная структура устойчивой ноосферы? Бр-р, аж передёргивает. Вот загремел бы Марко де Лукво на полгода раньше, может, и выучил бы как следует.

Ладно, Марко тут точно ни при чём. А вот насчёт миграции – это идея. Почему умереть должен кто-то у нас? Мало ли, осел гордый сын Новоултарска где-нибудь... на Хоккайдо, а связи, знакомства, воспоминания из детства – всё старое, тутошнее. И будут таковым ещё не один месяц, пока чужой домен окончательно его не подцепит, не буферизует и не сделается своим. Как будто мало от нас упрыгало за последние годы. Эля, Димыч, Янка... в конце-то концов Мэмыл с Пашком... которые не отвечают.

Не может быть. Нет!

Странное чувство. Выкрикиваешь протест на всю черепную коробку и как бы слышишь ответ судьбы: «Хорошо, хорошо, успокойтесь». Но белая комната пуста. И гостиная пуста, и даже кабинет сознания не видит ничего, кроме автоматических отговорок. И внутри, словно серпантин из хлопушки, разворачивается ужас, длинный, как лента нашей сов-

местной памяти. И начинаешь вспоминать и убеждать себя: ну и что? Ну дела у людей, ну не высыпаются, и вообще они полные *эщулгыны*. И я полный *эщулгын*, раз лучших друзей не удержал. Нет, исключено, они живы, они отвечают, пусть и краешком мяти, но они живы – и Мэмыл, и Пашок, и...

Вот с Элей, конечно, хуже.

Хватит. Покидаю тень фонаря и бегу туда, где только что стояли одмины – вот кто всё знает! Вот кто сейчас выложит мне всю правду! Но «только что», как известно, типичное начало типичного же облома. Я замираю на обочине, оглядываюсь на дома, на кусты и на мои персональные клубы пыли. Не могли далеко уйти, но ни один нервишко не чувствует цель. Почему они исчезают каждый раз, когда в них нуждаются?!

Сходил, называется, в лес. Не надо было даже вспоминать. Поворачиваю назад. Пойду домой; или в шарагу вернусь; или к Кожиным на чай; или даже к морю, от которого ноги трясутся – как много ещё осталось способов зажить прежней, спокойной, устойчивой жизнью! Надо понижать уровень ГЭ, пока не перевалил за пятнадцать процентов – пока нет нужды в ритуалах. Можно просто считать шаги: раз, да, три, четыре... или, вон, фонари, те самые, что линяют один раз за сутки во имя интеллектуального богатства наших людей. И наслаждаться ощущением, будто и дни бегут так же, не меняясь, только красятся в разные крапинки. Пусть красятся, я не гордый.

– Ах, вот ты где!

Спотыкаюсь и сбиваюсь со счёта. Поднимаю голову и топая до боли в пятке. Бедный я, бедный. Не успел оправиться от шока выдуманного, как на тебе проблемку настоящую.

– Думал, отделался от меня?

Евбений Бельшев вальяжно, почти не бесясь, приближается ко мне. И я, почти не дрожа, пячусь.

– Ну что, где твоя леталка? Давай вместе полетаем. Я ногой, ты телом.

Да что ж это такое? Почему он ещё на свободе? Почему его не арестовали, не посадили, не огрызли? Куда смотрят одмины? Про местные власти я вообще молчу.

– Сволочь недоношенная. Герой десятилетних сопляков. Все гадости в этом городе из-за тебя.

Он бубнит, еле открывая рот; не от лени, а из трезвой экономии сил. По крайней мере, мне так мерещится. На его кулаках больше нет ни крови, ни её заменителя, зато видны несколько ссадин и царапин. Сходная картина и на лице. Только, в отличие от Кожиных, эти раны не ослабляют, а, наоборот, как будто армируют звериную шкуру. Что же делать? Улыбаться? Не получается. Вечно молодая хныкалка так и давит из глубины горла.

– Слу... слушай...

– Что мямлишь? Боишься? А ты не бойся, это не больно. Потом заболит, когда срастаться начнёт. А ну сюда иди, не пяться как нянька! Будь мужиком!

– Я... я...

– Признавайся: ты?! Ты это сделал?!

Ах, какой момент! Он раскроет тайну! Надо только подобрать осторожные слова, помочь отгадке родиться, и о казусе с педагогом можно смело забывать. Где же кнопка «Отключить дрожь»? Нет такой кнопки. Что это он себе рукав оголяет? Показать что-то хочет? Или достать? Не могу. Пячусь. Опускаю взгляд на ноги – первая стадия, дальше разворот и бегство по земле вперёд коленками...

Что-то не так. Он не бежит за мной. Я, правда, тоже осилил не больше четырёх шагов, но он даже не сдвинулся. Разве что в обратную сторону. Слышу досадливый возглас. Можно подумать, что он испугался моей спины, но это не так. Я вновь оборачиваюсь туда, куда намеревался бежать, однако смотрю уже не под ноги, а выше.

Поторопился я забывать о них. А вот они никогда не торопятся. Идут медленно, лениво, бесшумно, словно голограммы, не видящие живого, материального меня. Вот так, мечтай теперь об ответах на вопросы.

Я отхожу с дороги, не сводя глаз, ища формальный посыл в одминских лицах и прохожих, но ничего не вижу. Не по мою душу. К Бельшеву. Или вернее сказать – за Бельшевым?

Доигрался, богатырь земли Новоултарской. Самое время запрыгать от счастья. Может, даже соорудить поучительную рожицу. У него, кстати, физиономия уже поучительна. Губки бантиком, бровки домиком, глаза скошены в небо, и это

спустя три секунды после морды разъярённого зверя.

На мгновение Бельшев пересекается со мной взглядом, и я вижу нечто живое. Но не животное. Его тело сотрясает неуклюжий спазм, и в глазах проявляется жидкость – чуть больше, чем надо мужику для счастья. Или так кажется? Из-за насупленных бровей, не жалеющих боли для себя и меня.

Но вот затылок одмина застит обзор, и связь обрывается. Тяжёлый, нервный выдох, и, кажется, моя челюсть наконец-то захлопнулась. Как же сухо во рту!

– Э-э... – пытаюсь возникнуть, бесполезно вытягивая шею. – Я хотел спросить... я... хотел...

Ничего я не хотел. Нет, не надо, пусть они не оборачиваются. Пусть не замечают! Вот так. Пора уматывать. Если я не первый на очереди, то почему бы не второй? Как хорошо, что ноги не умеют считать вероятности. Они просто бегут.

День третий

Сохранность 78%

Я лежу, заложив руки за голову, и пускаю мысли, словно воздушные змеи, за пределы черепного свода. Подо мной проплывают египетские пирамиды, ветшающие со скоростью один век в секунду. Я поскальзываюсь и царапаюсь о чешуйчатые купола деревянных церквей и азиатские башни, уходящие в облака. Из облаков вырастают отпечатки человеческих рук на стенах пещеры. Картина древним пигментом сменяется картиной маслом, кисти европейца Джона Кольера. Я задерживаю взгляд, опускаюсь чуть ниже довольной мордочки змея, но опять поскальзываюсь и влетаю в какой-то тучный орбитальный склад времён позднего СРМа. Склад унылый и аполитичный, но и здесь висят плакаты про бдительность и агентов Щепи, прям как у нас в шараге: «Следи за своим уГЭ!» На складе есть двери, но я не могу вообразить, что за ними – не пускают. Я размазываюсь по стенке и падаю назад. Я рисую по глазам французский гербовый fleur-de-lys, и он сминается волнами ускоренного времени, обзаводясь ещё двумя отростками, снова принимая вид пятипалой человеческой руки. На этот раз не менее гербовой. Люди есть пальцы...

А потом всё проваливается в отчаянную духоту. Подо

мною разверзается жуткий беспозвоночный рот, состоящий из сотен и тысяч пушистых червей. Рот снова готов поглотить меня, стереть, приласкать, защекотать в порошок. Но мне всё равно. Я ничего не хочу. Драгоценная пыль вырывается из меня как огонь, и правильно, я не заслуживаю даже пыли. Я шлак. Я падаю вниз, в эссенцию тьмы, в кисель, растворяющий желания, мысли, жизни и даже их отсутствие.

Что за *пылкэтык*?! Открываю глаза. Закрываю рот. А мне казалось, что у меня бессонница.

Душно. Вот в чём дело. Видать, какая-то стандартная реакция ношика на духоту. Надо будет разобраться, перенастроить. Если возможно. Если по карману. Но это днём. Сейчас голова не варит. Сама чуть не сварилась. Да остынь же ты! Похоже, моя спальня взбесилась. Ну да, на улице, наверно, дубак, но это не повод устраивать тут Африку.

Всё-таки не спится – неверный диагноз. Мне очень даже спалось. Снов не стоит бояться, ведь сны выполняются в защищённой среде и легко забываются. Похоже, мои милые ночные кошмары этим нагло пользуются. Как там было? Плыви на буй? Б-р-р-р. Даже темнота начинает качаться в глазах и напоминать пену. Спасибо, верная память. Теперь даже заснуть не посмею. Однако же, подавлять смертельный холод во сне смертельной духотой наяву – это уже слишком.

Надо продышаться. Когда ещё эта комната остынет?

Встаю, как на пружинке, не чувствуя сонности. Даже веки не смыкаются. Голова немного ватная, но в теле бодрость

и ясность. Не надо было так долго спать прошлой ночью. И днём тоже. На занятиях. Сейчас бы дрых без задних ног и исподних кошмаров.

Замечаю тёмное пятно у подушки. Это мой хвостик-амулет. Видимо, сорвал, пока в кошмаре метался. Духота даже милые вещи превращает в компоненты душегубки. Хватаю на ощупь. Встаю. Всё, держи меня разум, а то сейчас до леса добегу.

«Вы вспоминали: „Горячая смерть“. К сожалению, воспоминание требуемой глубины невозможно. Это может быть связано с нарушениями, осуществлёнными из вашего бассейна мяти (см. историю нарушений). Напоминаем, что понятия, не связанные с воспоминаниями, должны быть забыты, поскольку являются катализатором ГЭ...»

Да сгинь же ты! Не до тебя. Я же забывал тебя вечером, откуда ты опять вылезло?!

«...Всегда ваш, Орден одминов».

Всегда не ваш, Турбослав Рось.

«...Вспоминали горячее? Новые обогреватели по специальной цене! Забудьте про перерасход калорий...»

Да, да, только вас не хватало.

Вытираю пот со лба.

Перекладываю несколько деревяшек. Вот старая одежда без опознавательных знаков, какой-то строительный хлам, куски отработанной гущи, сетка, ёмкость с метанолом, теннисный мячик, облезлая мягкая игрушка в форме кошки

из коллекции милой сестры...

Гьрголвагьргын, какого *гьргына* я припёрся в кладовую?

Ах да, вектыри ишу. Привычка. А вектырей нет. Кончились. И вообще, зачем мне вектыри? Я просто хотел попить. И продышаться. Совсем мозги сварились. Крадусь обратно. Не разбудить бы никого.

Воздух! Настоящий воздух! Хочется отрастить себе ещё десяток лёгких и вдохнуть ими всеми разом эту свежесть, эту тьму, это кислородное безумие. Расставляю руки и запрокидываю голову. Серое небо устлано дымкой, и звёзд почти не видно. Только самые яркие. Над головой, почти в зените какая-то мерцает, прямо фонарь иного мира, даже гало заметно. Если долго смотреть, гало превращается в воронку, по которой катится и кружится голова. Теряю равновесие и падаю на колени. Ладонь загребаёт росы, роса холодная, но я всё равно смотрю в небо. Звезда затмевается самую малость моим собственным паром, продуктом носа и рта, тускло подсвеченным силами ближайшего уличного фонаря. Красивая реальность. Ничего лишнего. ГЭ на уровне фона.

Подхожу к калитке. Пустая улица. Никаких лишних контекстов. Фонарь хорошо виден, чего нельзя сказать о столбе, на котором он закреплён. Не застать смену цветов. Фонарь старомодный, но его свет решительно вселяет чувство сонности. Калитка кряхтит под моим отяжелевшим локтем. От-

воряю её. Теперь видно ещё несколько фонарей, но я больше не смотрю на звёзды. На земле спокойнее. Чувствуешь себя застывшим на дороге не пространства, а времени, вспоминая несколько фонарей из прошлого и додумывая столько же на будущее. Зачем спать? Можно отдыхать здесь, между «фо» и «нарь», и не тратить нервы на секунды и секунды на нервы. Сюда никто не доберётся. Разве что одмины... уже.

Съёживаюсь и начинаю крутиться как танцор, оглядывая всё, что противопоставлено себе выдумывать. Холод отступает, и даже раскаляются отдельные части лица. Но никого нет. Может быть, даже на самом деле. Просто есть вещи, которые не хотят забываться. Вот, например, пяточок земли, на котором позавчера я нарвался на разговор. А где-то там, «в стороне прошлого», они увели Бельшева. А может, не увели. Может, до сих пор стоят все трое. Что поделать, нет у меня дорогого навигатора, а стандартный не видит тех, кто не хочет быть видимым. Или не может.

Неустойчивые мысли. Уровень ГЭ поднимается. Делаю глубокий вдох, но это мало помогает. Кажется, уют родной улицы безнадёжно подорван и не оживёт за эту ночь. Но спать по-прежнему не хочется. Более того, уже почти не холодно. Как ни тупа досада и злость на самого себя, а кровь эти чувства ускоряют на славу. И пальцы греют. Особенно, если последние в составе кулаков.

Надо двигаться. Движение – это жизнь. А жизнь – это свобода.

Ноги шуршат, трескают валежником и хлюпают влагой, бодро и ритмично, успешно отгоняя пока ещё не собачий холод. Узнаю родное. Ещё даже не совсем осень, а духота кажется красивой легендой. Уже и пальцы мёрзнут, даже в кулаках, мечтают о варежках и невольно тянутся к кулону-хвосту, который я снова с радостью надел. Он уже согрелся на груди как настоящий пушной зверёк. Мягкая шёрстка, тёплый матовый набалдашник и цепочка замысловатого плетения. Как интересно: он что, воду поглощает? У меня же пальцы были мокрые. Да нет, мех вроде обычный, даже немного отсырел, а вот оправка хороша. Интересно, откуда материал? Надо будет у Алеси спросить.

Всё, веки уже тяжёлые, и глаза лучше не закрывать. А то накроет.

Оглядываюсь, скорее чтобы размять шею, потому что всё равно ничего не видно. Я не какая-нибудь киска, которых так любит моя сестра, и в темноте вижу темноту и не сильно больше. Зато на ощупь хорошо ориентируюсь. И помню хорошо. Память вообще творит чудеса. Вот, например, знакомое дерево. Сколько наших ног оно выдержало! Сколько веток мы нечаянно сломали, а оно всё живо и помирать не собирается. Провожая взглядом ствол до самого зенита. Знакомый рисунок ветвей едва колышется на фоне серого неба и белой, прядь её, звезды. Звезда даже лучики протягивает.

А это ещё что? Ветка сломанная?

Или моё бревно с вектырем?

Расталкивая сомнения, я хватаюсь за ствол и, кряхтя, поднимаю себя на полметра вверх. На следующем этапе кряхтеть не требуется. В считанные минуты я достигаю пятиметровой высоты и уже в нелукавом ракурсе вижу объект. Вижу обломанную верхушку ствола, которая легла на ветки под таким углом, что кажется прямой снизу.

Облом.

А надо было не расталкивать сомнения, а соединиться с вектырем. И задать себе вопрос, почему он не соединяется, раз висит так близко. Ведь он должен был остаться включённым.

Потому что вектыря здесь нет и никогда не было.

А, в сущности, почему облом? Я покорию высоту непокорного детства, не поскользнувшись, не замёрзнув и не устав до изнеможения. Я обновил старые навыки, откачал хаос из тела, согрелся и размотал целое измерение памяти. Какой там вектырь? Вот он я, а вот Мэмыл в трёх метрах книзу соревнуется в вокале с трещащей веткой; а вот Пашок, намутил трос да так и завис, перепутал, но разве признается? Где же вы сейчас?

Молчат. Ни слова, ни образа, ни общей гостиной. Даже кабинет моего неспящего сознания, со всеми экранами, со всей своей навигацией ничего не показывает. А ведь сейчас у них день, и спать они не могут. Опять заняты? Коты Шрёдингера. Вы же не могли оба сдохнуть – одмины сказали «смерть»,

а не «смерти». Вы что, скрываетесь от закона?

Помню, как Мэмыл предложил намутить термоядерную катастрофу, чтобы прославить наш городок и привлечь новых людей. Мы ему тогда отсоветовали ещё раз рыгать на уроке, а то две термоядерные катастрофы город не переживёт. Эх, были времена! Пять лет назад – это же так мало! А кажется, что... впрочем, нет, уже не пять, уже целых семь.

А Пашок? «Занят. Буду». Ни где, ни когда, ни во сколько... ты смотри, лаконичный, сегодня ты полжизни в двух словах, а завтра сам станешь одним лишь словом на устах даже не себя, а чужого человека. Кто же это сказал? Неважно. С тобой мы ещё поговорим. А вот Мэмыл, хрюндель, даже на приглашение не отписался. Ну и что с ним делать? Вычеркнул бы, но откуда вычёркивать? Из памяти? Не выйдет. Это не Клуб геополитиков, это моя личная голова, неподвластная ни одминам, ни самому себе. И потом, сто раз побывавшего в белой комнате не сотрёшь даже одминскими костылями.

Белая комната? Что ж, это, конечно, выход. Чувствую, гостиную мне всё равно не замутить за эти двадцать минут, пока я ещё бодрый и не замёрзший. Придётся кое-кого пощекотать. Вообще, говорят, нехорошо использовать белую комнату, если человека несколько месяцев не видел. В смысле, не очень надёжно. Но что делать? И не притворяйся, Мэмыл, что забыл, как в эту комнату входить. Помнишь, как мы обыгрывали весь город? Во всё, что только можно, от футбо-

ла до шахмат. Втроём, как один. Причём один за десятерых. Такая связка, что даже беглая речь казалась черепашьей почтой. А ведь это тяжело, и голова кипит, и жрать потом охота вне плана. Но оно того стоило. У нас раньше всех появились белые комнаты. А может, и не раньше. Просто друзьями были хорошими. Сколько уже, полгода прошло? Меньше. Значит, ещё не стёрлись образы. Не должны. Конечно, у вас там житуха поинтереснее, и люди как люди, а не раки отмороженные. Ну ничего, зато я тебя помню. Я всего тебя помню, ты понял? Твои хитрые глазки, твою харю, твоё рыгание... да ты у меня в мозгу как доппельгангер, да я тебя сейчас за уши в канал затащу!

Но белая комната пуста. Она пуста уже давно, и в этом нет ничего зазорного. Это по гостиним ходят разнообразные не те, не говоря о прихожей, а в белой комнате белизна – залог устойчивости. Но не до такой же степени! Я воображаю знакомый лик во всех деталях и ракурсах, но образ не фокусируется. Не помогают ни ярость, ни мысленный крик: «Я помню!» Нет. Я не помню. Не хватает данных. Связь не может быть установлена. Как будто время суток и одиночество влияет на самую великую систему во Вселенной.

Настроение опускается вместе с телом. Всё ближе к земле, всё толще ветки, всё безопасней и скучнее. Так, значит? Друзья, называется.

Хватаюсь поудобнее, но силы иссякают, и я вновь повисаю

ленивцем, на этот раз в метре от земли. Грусть, она не тяжёлая, если её признать и принять радушно. Даже как будто распластываешься по темноте, и темнота обретает подъёмную силу. Подъёмная сила зовётся меланхолия.

Интересно, а как там Эля? Соединиться с ней через белую комнату? Можно не мечтать. У меня и раньше не получалось. И я так и не спросил, почему. Почему я вообще так мало у неё спрашивал? Ведь нам было о чём поговорить. Нормально поговорить, без издёвок и дёрганий за волосы. Интересно, она до сих пор считает меня психом, недоноском и прочими товарищами? Вряд ли. В наше время забыть человека – это форма благодарности. И вообще, какой недоносок? Я всего на семь месяцев младше.

Она не ответит. И дело не только во мне. Все, кто уезжал из домена в домен, рано или поздно сознают, что переплыть океан, даже в тазике, несложно. Сложнее переключить себя, соединить заново. Оптимизировать бассейн мяти, отгрузив подорожавшие, осточертевшие привязанности в пользу новых, низкокалорийных, ближних. Даже время тут болельщик, лоббист, но не лекарь. Сколько уже, год прошёл? Это много – для сильных. Но не для неё. Она улетела, освоилась, пообтёрлась на чужих воспоминаниях, но так и не вышла из домена. Она сама виновата. В её памяти кто-то остался. Кто-то тянул её назад. Держал на привязи. До последнего. Одмины ищут беду среди местных, а беда...

Нет, не думать об этом! Эля жива. Жива, жива, жива!

И счастлива. Разумеется, не со мной.

Она не ответит. Этот ли факт так возбуждает? Я вспоминаю её и не могу остановиться. Создаю из темноты, из пены, из кости, из ребра, из тройки сакральных букв... Эля, Эля, Эля! Эля в периоде. Электричество по нервам. Глаза от египетской богини. Кожа – золотое сечение света и цвета. Застенчивая улыбка рождает целую вселенную намёков, вопросов и ответов, возникающих и исчезающих быстрее, чем до них успеваешь додуматься. Видит меня – улыбка сменяется влекущим раздражением. Глубокий вздох, грудь подымается, подчёркивая талию, и без того подчёркнутую. Какая фигура! Пятнадцать лет, а хоть обводи во всех ракурсах да посрамляй художников прошлого и приматов будущего. Она давно такая. Она созревала раньше остальных девчонок, я помню – очень изящно, плавно, без гормональных перекосов и косметической придури – в свои тринадцать она выглядела на миниатюрные семнадцать. А сейчас-то какова? Ну иди же, иди сюда. Я подтягиваю негодницу за талию. Одной рукой... нет, гибче, без локтей – одним щупальцем. Другим обвиваю вокруг шеи и вниз, за пороги ключиц, по долине чего-то там и... ух какие выросли! Нет, тут нужны ещё два щупальца. Это как минимум.

«Что я делаю? Она может почувствовать!»

Спасибо, стыд, мы тебя ждали, а ты опоздал. Ноосфера может меня выдать, но вероятность ничтожно мала. Узлы хорошо изолированы. Порой даже лучше, чем наши тела. Ес-

ли нет доступа на уровне гостиной, то что говорить о белых комнатах и прочих изысках?

Но если она всё же почувствует что-то от кого-то... значит, «кто-то» доставит ей «что-то» по высшему разряду.

Да что я стесняюсь, у неё же сестра есть!

И как её зовут? Вот ведь тормоз, так и не узнал.

Какая разница? Пусть будет... Лиля. Красивое имя. Эля и Лиля. Эля помладше, Лиля постарше – лет восемнадцать, и ростом чуть выше. А в остальном копия сестры. Такие же волосы... хотя нет, покороче. И причёска более свободная. А глаза, носик, губки – всё то же совершенство. Только подвижнее. Потому что... как они сказали? У Эли голова на плечах... в отличие от её сестры. Вот оно что! Эля застенчивая, лёгкая, загадочная, но по-своему правильная. А Лиля не такая. Лиля безбашенная! Горячая, страстная, в ротик щупик не клади... хотя почему не клади? Как раз... ух, сколько щупиков-то надо!

Я уже чувствую, как вибрирует древесина от ударов моего сердца. Сердце правильно делает. Больше крови, больше обмена веществ, больше воображения. Сама ноосфера помогает. Несмотря на балансировку, по ночам у нас всегда есть небольшой излишек мяти. Люди отдыхают скромно, не хапая ресурсы под яркие сны. Чудные, не иначе. И я чудной. Трачу халяву на вымышленный мир. Два мира. Сестрички пятятся в конец воображаемой комнатки, а я хватаю обеих и придвигаю к себе своими самыми мясистыми щупальцами.

В этих щупальцах больше творческой искры, чем у одноголовых художников из слепых времён. Щупальца «видят» кожу, тонус мышц, волны крови в артериях и многое другое. Эля отпирается, сыплет мольбой, но хватает меня за шею более чем интересно. Лиля смеётся мило, неповторимо, злобно, снимая с меня... ух, что вы делаете? Прекратите. Я же сейчас рухну. Дайте хоть слезть. *Лёлё* мне в *аё*, я же сейчас с деревом согрешу. Лиля, ну ты-то постыдись, ты вообще не существуешь. Лиля! Ы-ы-ы... *гырголгагыргын*, что же с вами делать? Подожди, подожди, я закрыл свои комнаты? Вы-то, конечно, не почувствуете, а вот меня могут застать за непотребством.

Да нет, вроде закрыл. А белую? Сейчас. Вдыхаю холодно-го воздуха, насколько хватает лёгких, и голова начинает кружиться, словно по резьбе вверх, к сиянию чистого разума... так, чуть-чуть, на пол-оборота. Белая комната, белая комната... о чём это я? Ах да, белая комната. Эта свалка чистоты и одиночества... Подожди-ка. Она не пустая. В ней кто-то есть.

Я лежу на спине, дёргаю ногами и рву клоки мха. Шея болит, но не от удара, а от резких поворотов головой. Сердце взрывается дважды в секунду. Лёгкие вообще не понимают, кого дышать, куда и сколько. Только сырость обычная. Жгучая тёрка. Что-то явно случилось. Но что?

Просто упал на землю. Рухнул со смехотворной высоты,

даже не поранившись. Но откуда, откуда, прядь вашу, такая боль?!

Слух осваивает тишину неуклюже, волнами, как после взрыва. Сырость не щадит даже теплокровного млекопитающего меня. Один, два, три... десять... тридцать. Кто здесь? Я здесь. Как минимум. Кабинет молчит, однако шорохи явно не мои. И не ветра. Кто-то приближается ко мне лёгкими прыжками. Темнота разрождается образом, неясным, ничем не подтверждённым, вдобавок весьма скромным по размерам. Малюсенькое тельце запрыгивает на корень у основания ствола. Гибкое, пушистое, с довольно длинным хвостом. Белочка?

Вы издеваетесь? Что вообще случилось? Я упал. А до этого? Белая комната. И в ней...

Вздрагиваю, как никогда не вздрогнул бы от холода. Память, бывший ком в горле, пронзает пищевод оставшейся сотней игл – повтор программы – после чего сминается и катится дальше, в желудок, не оставляя послевкусия. Только боль и обиду. Как же так?! Что со мной?

Тем временем белочка наглеет. Прыгает вокруг моих ног, приближается и тут же боком отскакивает. Какая-то она странная. Исхудавшая что ль? Тоже мне символ перемен. Рановато они пришли. Оттепель кончилась. Все дупла помёрзнут. Только и останется, что спуститься на землю и превратиться в суслика, толстого, одинокого и мнящего себя разумным. Эволюция, мять её.

Но я всё же не ленюсь. Я наблюдаю за зверьком, стараюсь не упустить его из виду. Это нелегко, но это помогает. Рассудок встаёт с колен. А встав с колен, рассудок говорит мне следующее: твоя белая комната в порядке, просто в неё кто-то провалился с улицы. Скажешь, не бывает такого? Горячей смерти тоже не бывает. Только горячая смерть – это беда из прошлого, а белая комната – просто небрежность настоящего, самая молодая, спорная и неотлаженная часть дополненного сознания. Сам ведь порой заглядывался на красотку в окне и мечтал залезть к ней в белую комнату. Потому что знал, что такое возможно. И если это произойдёт, оба узла уже не будут прежними, не смогут забыть друг друга, прогнать, потерять или отречься...

...Разумеется, если сама белая комната не вытошнит тебя так, что одмины будут выхаживать, позволяя вспоминать по слову в день.

Поднимаюсь на колени. Осматриваю пальцы. Они грязные, но целые. Ни кровинки. Их пять на каждой из рук, а вместе никак не меньше десяти; и это хорошо. Созерцание собственных пальцев порой не хуже ритуала здравого смысла. Особенно, когда память не исключает того, что их изрубило в клочья.

Белочка наблюдает за мной. Не нравится мне всё это.

Ладно, в белой комнате что-то есть. Скажем мягче: в белой комнате что-то было. Но есть ли оно там сейчас? Стены белеют в конце тоннеля, и ничто их не застит. Вот шаг.

Вот ещё один. Разум преобразует себя знакомой тропой, отдаляясь от уютного кабинета, где дважды два тоже четыре, но требуется секунда, чтобы вдоволь это осознать. Просто остановлюсь на пороге. Затаюсь и рвану обратно при малейших симптомах «чего-то не того». Свет разгорается, обнажаются новые участки чистых, незапятнанных стен. Холсты, которым неймётся без красок. Пора притормозить. Какой стыд, бояться собственной головы, ну уж нет! Пусто здесь. Визуализация одиночества в чистом виде. Что это за тень?

– За что?! – ору в голос. Валюсь на спину и корчусь, корчусь и ещё раз корчусь. Дую на пальцы. Разминаю кожу, изумляясь, что она не сорвана как кожура с апельсина. Как же туго настоящее осязание отменяет химеру смертельной боли! Да за что, прядь твою?! Кто ты?

Белочка разворачивается и уходит. Она пришла не ко мне. И не за мной. Почему же так жалко?

«Ах ты, гад! Я же тебя найду, ты слышишь? Я тебя урою! Откуда у тебя мой образ?! Кто тебя подослал?!»

Наивные, колючие мысли. Как младенец, бьющий по рукам матери с усилием робкого массажиста. «Не хочу на процедуры! Хочу в кровать!» Визг ещё рвётся в бой, но последние мышцы расслабляются и тонут в ноющей боли, словно плыл всю ночь. В кислоте. Проще заснуть прямо здесь, замёрзнуть, зато никогда больше не выходить за стены уютного маленького кабинета. Может быть, даже будут заморозки.

Впрочем, слезы по щекам ещё вполне горячие. Глаза жмурятся, и весь я тоже сожмуриваюсь до объёма щёлки между век. Здесь тепло, в щёлке. Здесь целый мир. Здесь пустыня, пальмы и уютный слабый ветерок. Здесь суровые люди, не привыкшие сдаваться ни СРАМу, ни ГЭ, ни волосатым одминам, какие бы комнаты те ни сулили. Две обворожительные сестры замедляют танец живота и бросаются ко мне. Они падают на колени и обнимают мою голову, жмурясь от слёз, лаская, стирая кровь и осколки черепа. Они просят прощения. А я даже не могу убедить их, что они не виноваты ни в чём. Боги не виноваты в засухе. Да и люди не всегда.

* * *

– Славик! Ау!

– Яна?

– Привет!

– Ты меня напугала.

– Извини. Я думала, ты не занят.

– Да нет, я просто... задумался. А ты откуда? В смысле... ты же вроде уезжала с концами?

– Да. Я на пару дней заехала. У нас дом несжимаемый, и... в общем, надо уладить. Ну и просто отдохнуть, развеяться, пока семинары не начались.

– У вас не начались? Ха! А нас уже дерут как этих...

– Везёт вам.

Ну конечно. Яна. Единственная одноклассница, которую не поднялась рука затащить на дерево, сбросить и поймать на лету. Почти не изменилась. Отпечаток лучшей ученицы на челе и прихожей. Нет, Ян, ничего списать не надо, теперь уж точно. И нигде меня не заблокировали; по учёбе; сверх имеющегося.

– Как сам? – спрашивает она.

– Нормально. Жив, цел, устойчив. А ты?

– Тоже неплохо. Что нового? У тебя же день рождения скоро?

– Угадала.

– Когда? Завтра?

– Ты ещё и дату помнишь? Ну, Ян, тебе памятник надо ставить!

– Ну что ты...

– Серьёзно! Хотя чему я удивляюсь? Со стороны оно всегда всё помнится. Любое бедствие. Не то что из... эпицентра.

– Понятно. Как всегда, весело будет?

– Да-а! Безудержное веселье! Ноосфера вздрожнет. Может быть, даже рухнет. Но ты не бойся, я одминов приглашу. Будут бородами крутить и пузами дрыгать, бым-бым.

– Сколько тебе будет, шестнадцать?

– Ага, всё, старость не радость.

– Не прибедняйся. Ты хорошо выглядишь. В плечах прямо вырос. И причёска тебе идёт.

– Ага!

– Только спать надо лучше.

– Да я и так вроде...

– Не похоже. Сонно выглядишь. Всё гуляешь по ночам?

– Ничего я не гуляю. С кем гулять? И за какими плюшками?

– Ну, я слышала, у вас тут нескучно.

– Да-а, нескучно. Можно утопиться, можно с дерева упасть, а можно гор... э-эм, горячее из гущи в шараге наделать. И сгореть. Хы-хы. Ян, у нас лакуна, у нас скука того... Орден прописал! В целях профилактики Щепи головного мозга.

– У нас, между прочим, тоже лакуна, так что не рассказывай. На самом деле появление лакун напрямую не связано с какой-то враждой или страданиями в те века.

– А с чем тогда?

– Ну, как тебе сказать?

– Скажи прямо: дебил, мяти мало, не поймёшь.

– Ну, не совсем так... но ты меня понял. А насчёт вражды, у нас тоже этим грешат. Помнишь Южную Щепь? Так вот, это у нас.

– Только не говори нашим, что были и другие Щепи. А то ж их бомбанёт на весь континент. У них же предки лично СРаМ закидали своими внутренностями – так все говорят. А малолетки вообще тупые, их провоцировать не надо, сами себя развлекают. Так что да, у нас нескучно. Ни дня без потасовки. Рыбаки с няньками опять погрызлись. Ещё эта...

предвыборная кампания. Здесь, правда, уже не так весело. Даже уныло. Или ты про этого, Марко, прядь его, де Лукво?

– Кстати да, как там у вас...

– Да никак. Не видел ни живого, ни мёртвого, никакого. И автограф не взял. Такая вот печаль.

– Ну, автограф он тебе точно не даст, даже если захочет. Пакт о несоюзе никто не отменял. Одминская виза вообще удовольствие дорогое, а ещё язык надо учить. Кстати, язык у них несложный, просто план выражения...

– Да, да, помню, что у тебя хорошо с языками. Почему ты, кстати, не пошла туда?

– На что? На лингвистику ноосферную?

– Да. Ты же сейчас на био-нейро-что-то-там учишься?

– Да. Так получилось. В смысле, я подумала, что там престижнее. Можно со своим проектом пробиться. К тому же сейчас разрабатывается новое поколение ноосферных симбионтов, и там будет более тесная интеграция с генами, плюс митохондриальные...

– Ян, слушай, вопрос такой. Как раз насчёт био-нейро. Холодная смерть и горячая смерть: в чем разница? В смысле, в чем разница, я знаю, но... есть ли какой-то чёткий порог? И можно ли при высоком уровне ГЭ как-то обознаться или... вообще, это всё реально?

Гырголвагыргын, ну не умею я интригующе запинаться и загадочно молчать. Зачем только спросил? Сейчас засмеётся, погладит по головке и порекомендует остаться на вто-

рой год. А я скажу: «Есть!», улыбнусь до ушей и пойду домой древнеиндийским строевым шагом. До завтра. В смысле, прощай. Было бы, перед кем тушеваться. А я ещё надеялся, что она изменится за лето... в пользу не только умственной красоты. Куда там? Только загорела немного, и волосы короче. И на каких заклёпках мои глаза ещё держатся на этой квадратной сковородке по имени лицо? А зрачки? Это ж вообще...

– ...Можно сказать, чудо, которое нельзя описать устойчиво, не заходя за пределы осмысленной для нашего класса СХ математики.

– Э? Что?

– Помнишь, нам учителя говорили, что полноценная горячая смерть невозможна и вообще не факт, что они когда-либо случались? Славик?

– А? Да, да, точняк.

– Так вот, это не так. Горячая смерть реальна. Просто вероятность горячей смерти сильно зависит от внешних факторов. Например, у нас... даже не у нас, а к северу, в центральной Африке...

Нарвался, называется. Бесплатная лекция – лучший подарок на день рождения и лучшее блюдо на обед. А до обеда она явно не закончит.

– ...Теоретически, в лакуне горячая смерть должна быть чаще, так как при высоком фоновом уровне ГЭ требуется больше времени на корректный вывод узла из сети.

Но на практике этого всё равно достаточно для большинства летальных исходов. Проблема в другом. В том, что если хотя бы одно событие данного класса происходит, то... в классических моделях, даже если не брать самые простые, мы почти всегда получаем режим с обострением. На практике вместо этого начинаются... в общем, ещё более сложные вещи, и при конечной мяти, даже с нулевой латентностью, свести к начальному состоянию... понятно, ухожу. Извини, что утомила.

– А? Нет, нет, я не утомился! Я просто...

– Задолбался?!

– Нет, я... подожди, Ян... – хватаю её за руку. – Спасибо.

Как раз то, что надо.

– Неужели? – вырывает руку.

– Честное слово! Просто я тут... ну... поспорил! И пошёл *тывык*, что *тыркын* в *аё* весь этот *гыргын*, а я... кхм, я хотел сказать...

– Понятно.

– Нет, нет, я хотел сказать, что, ну, серьёзная тема! Что... п-ф-ф. Извини. Сильно отвыкла? От колорита языкового.

– Не то слово. Но тебе тоже спасибо. Прямо ностальгией повеяло. Всё-таки родимый край – в этом что-то есть.

– Ага, родимый край. Все разъехались, одни *кукылы* остались. Какая-то мелочь права качает. Ещё Румян этот, социалист непуганый...

– Понятно. Ну ладно, я пойду? Мне надо...

– Угу.

– В общем, Славик, приятного тебе праздника. Побольше друзей, радости и полезных подарков. Я тебя ещё поздравлю. Хорошо?

– Угу.

– Ну, давай.

Опускает взгляд, и как-то сразу дышать легче. Разворачивается. Спина и волосы. Что-то в этом есть. Или просто видел её чаще со спины. Глупость какая. Ещё бы учителей вспомнил. Хорошо провожать успешных людей. Им от тебя ничего не надо, и тебе наплевать...

– Яна!

– Да?

– Слушай... ты завтра во сколько уезжаешь?

– Не знаю. В течение дня. А что?

– Просто, ну... может, заглянешь на огонёк?

– К тебе? Ты меня приглашаешь?

– Типа того. Чудес не обещаю, но всё-таки... Если ты, конечно, не против.

– Да нет, я не против. А где планируете отмечать?

– А... где придётся. Вначале у меня. Так сказать, в петле... в смысле, в кругу семьи. А дальше как получится. Вплоть до руин. Ещё непонятно, кто приедет, а кто хрюша. А кого вообще в шею гнать. Да, вот такой я талантливый организатор.

– Не хочешь у меня дома?

– У тебя?!

– Ну, помнишь, где я жила? Пять минут пешком. Мы как раз думали, чем занять дом, чтобы не сжимать на ближайший месяц. Так что всё складывается. Родители до обеда уедут, а я... посмотрим. В любом случае, дом о себе позаботится, можете хоть допоздна. Ты как?

– Хы. Да я, знаешь ли, не против. Отдельный дом! Осталось только найти человек пять живыми телами. Чтобы как раньше.

– Ну, с этим ты справишься.

– Думаешь? Я вот не знаю. Был бы тут Мэмыл, он бы, конечно, справился. Он и сам один за пятерых.

– Ну, вот и отлично. Он же во сколько, в десять приезжает?

– То есть как приезжает? Живой?! А Пашок?

– Славик, ну ты даёшь. Или вы опять друг другу сюрпризы готовите?

– Так они связывались с тобой? Что ж ты раньше не сказала?! Яна, ты моя... можно я тебя чмокну?!

Не дожидаясь ответа, обнимаю не слишком женственные плечи и врезаюсь носом в блёкло-русые волосы (надо же, они пахнут не так дурно, как я думал), по дороге отвесив убедительный поцелуй в щёчку.

– Ух, ну надо же, в кой-то веки хорошие новости! А Димыч нет, не приедет?

– Димыч?

– Понятно. Пёс с ним. А Эля? Не слышала про неё?

– Нет.

– Ладно, неважно. Но Мэмыл, *юргымтэк* немой... ничего, мы с ним ещё поговорим. Ну, Яна, ты просто моё спасение! Можно тебя ещё раз...

– Ладно, ладно, завтра увидимся, – лениво раздвигает мои руки. – У меня, правда, дела.

– Ага, почему-то я совсем не удивлён. Всё равно спасибо. Прямо взорвала излишек мозга. А то, реально, всё утро торможу. Ты права, надо спать больше. И это... извини, что пристал с этим *гыргыном*... с этой горячей смертью.

– Ничего страшного. Чем смогла...

– Ну да. Это самое... а сестру Эли знаешь?

– Чего?

– Ну, говорят, у неё сестра есть. А мы и не знали. Удивительно.

– А почему ты у меня спрашиваешь? Одмины не пускают?

– Да нет. Я просто подумал: это ведь полный *пылкэтык*. Вроде ноосфера, мять, все дела... а контакта нету. Одни стены. Человекотерялка. Проще глазами в толпе найти. А другие, наоборот, как обухом по голове. В смысле как снег...

– Славик, я не знаю никакой сестры. У меня времени нет. Давай, до завтра.

Гырголвагыргын, какой же я мастер заканчивать разговоры! Что-то она не так поняла. Или я не то сказал? Неважно. Всё равно спасение. Провожая взглядом фигуру ангела.

В смысле, благой вестницы. Не люблюсь, конечно; формы, прямо скажем, неинтересные. Недозревшие. Хотя да, со спины ничего, с учётом волос, ветра... и того факта, что глаз не видно.

Пусть приходит. Пашок её развлечёт. Я даже специально его попрошу, заслужила. Хорошая она. Даже жалко, что не светит нам пасть жертвами стрелы катиона... афедрона... Во, даже память не выпалась. Надо её взбодрить.

* * *

– Славик? А, Славик? Ты чего такой радостный?

– А ты чего? Травмированный, что ли?

– Чего? Чем травмированный?

– Улыбкой до ушей. Пока тебя рожали, ты, видимо, ртом зацепился за...

– А вот хамить не надо! – подпрыгивает длинноволосый лань мужского пола. – Я, между прочим...

– Ты между ягодицами! Не заметил? Всё, Вадим, не приставай, а то пожалеешь: у меня настроение хорошее, это опасно.

– Славик, подожди! У тебя же день рождения завтра?

– Угадал. Возьми с полки пирожок.

– А как же я? Почему я узнаю об этом последним?

– Потому что ты катишься отсюда лесом. Что уставился? Тебе уже сколько? Двадцать? А мы малолетние придур-

ки, усёк? Если что, обращайся к Бельшеву, он пояснит. Давай, счастливо оставаться. У меня ещё планы на сегодня. Ух, сколько планов, *тыркын за пилгын!* Заодно отменю приглашения, которые мне на *лёлё* не *кукун*.

– Эй, подожди.

– Что?

– Купи бубен.

– Чего?!

– Бубен купи! Настоящий бубен! Недорого! Только у меня и только сегодня... – и правда, у Вадима на поясе висит целая стопка дисков, как голых, так и обёрнутых в пакеты. – Смотри сюда, это не просто бубен...

– Я вижу. Это круглый бубен. Не ошибся?

– Ты не понимаешь! Этот бубен, ты даже не представляешь, на что он способен. Ты такой в сто раз дороже не купишь! У него мембрана сделана по принципу обратного... м-м-м... как же это...

– Обратного рождения людей?

– Нет! Оно реально работает! Ты сможешь любому *щамыку* в любую комнату... ладно, не в любую. Но в прихожую точно. Так вот, ты можешь...

– Отвесить пинка, настучать в табло, я много чего могу. И, заметь, голыми руками. Ну что, сам себе его засунешь или мне помочь?

– Ну пожалуйста! Ну что тебе стоит?

– Мне, Вадим, многого стоит. Я, между прочим, бедный

сын бедных инженеров. Ты, вон, Кожиным продай. Они вообще богатые, а последние дни ещё и контуженные, авось поверят...

– Ну подожди! Я скидку дам! Пятьдесят процентов! Как имениннику. Ладно, ладно, не хочешь, не надо. Но у тебя же день рождения, как ты будешь без музыки? Возьми меня к себе, я тебе сыграю. Вот, послушай.

На сей раз он сразу переходит от угроз к насилию. Выхватывает один из бубнов, лишённый упаковки. Инструмент и впрямь исторгает ценный звук, от которого стены прихожей покрываются бранными словами. Музыкант не чурается языка тела и нарезает завитки, словно спутник, вокруг застывшего, ошеломлённого меня. Ошеломлён я, впрочем, не магией ритма, а вопиющим отсутствием оного. Но даже эту какофонию Вадим выбивает усердно, скривив брови и наморщив лоб, что ни капли не мешает ему размахивать белёсой шевелюрой и вилять тощим задом так, что даже приближаться опасно. И всё же, досчитав до пяти, я иду в контратаку.

– А-а-а, помогите, убивают! – визжит он, не переставая отбивать себе марш. Второй раз я уже целюсь, и нога чиркает по его бедру, но всё равно этот зад проворнее обычного. Интересно, в кого он такой уродился? Вроде папаша – потомственный рыбак, суровый, метанол пьёт, лодку одной левой поднимает. Да и мать не прочь поколотить обоих сразу.

Мы несёмся в горку по неизвестной улице, со сбитой на-

прочь ориентацией и соображалкой взрослого гражданина. Пора кончать балаган. Я как раз даю ему фору перед финальным ударом, когда веселье смолкает. Внезапно. Вадим пятится с опущенным инструментом. А на него из-за склона, большой, как рассвет, надвигается Евбений Бельшев.

– Не надо его... – эта фраза срывается с моих уст вопреки всем планам.

– Не бойсь, не трону, – говорит Бельшев лично мне, после чего кивает в сторону Вадима, ускакавшего с поистине заячьей скоростью. – А этот чего? Вроде в няньках работал?

– Выгнали, – говорю я, пожимая плечами. Дополнения «...потому что придурок» явно не требуется.

– Ха, повезло. Я вообще-то тебя искал, а ты сам нарисовался. Что, летяга, днюха завтра? Ну, я тебя поздравлю.

Не хотелось бы. Впрочем, перемены налицо. Не хочу знать, что сделали с ним одмины. Мы сближаемся как нормальные люди, а не как чёрные дыры, за одно это спасибо Ордену. Интересно, Орден знает, что теперь от меня нужно этому молодцу?

– Во! – гавкает Евбений и бьёт кулаком воздух. Кулак застывает, не долетев до моего лица, и мне приходится разглядывать эту руку, обнажённую до локтя и усыпанную сетью мелких порезов.

– Что? – не выдерживаю я. – Тебе пальчики покромсали?

– Сюда смотреть! – Показывает он. И правда, у него

на предплечье хорошо видна дуга из нескольких десятков глубоких шрамов. – Чуть не утянул, гад! Тебя бы вообще на-
двое перекусил.

– Кто?

– Кто, кто... осётр.

– Неслабо. Подожди, так осетры вроде беззубые, нет?

– Во! Теперь скажи это нянькам. Они ему ещё и мозги
прошили, чтобы знал, урод, на чью руку бросаться.

– Какой ужас. Может, экспортный был? Ну, их же вроде
специально усиливают, чтоб до Америки доплывали.

– Ты дурак?! Думаешь, я экспортного от нашеньского
не отличу? Да я их вот этими вот руками, мне даже глядеть
не надо, я их сразу вижу, что за гадость и чей отдел её вы-
ращивал. И вообще экспортные, они по другому коридору
уплывают, южнее на полкилометра.

– Понятно. И когда он тебя куснул?

– Да вчера утром.

– Вчера? И после этого ты сразу побежал за мной?

– Ну...

– Подожди, а что же тогда случилось в ту ночь? Ну, поза-
вчера...

В ответ Бельшев зычно выдыхает и, потупив взгляд, ка-
чает головой. Вроде мирные жесты, но я невольно принимаю
стойку, с которой легче удирать.

– Скажи честно, – басит он. – Это ты их подговорил?

– Кого их?

– Нянек.

– Опять няньки?! Да не нужны мне твои няньки, на *лёлё* я их вертел...

– Соньку ты обработал?

– Какую ещё Соньку?

– Мою Соньку. Ты же с ней это... ах да, она ж тебя избила, помню.

– Вот только не надо в мою личную...

– Я просто на днях снова за ней приударил. Говорил там всякие слова, обещания. Чёрт её дёрнул про эту корриду... я же не знал, я просто... что мне, очковать перед девкой?

– Та-ак. И ты пообещал, что будешь участвовать?

– Угу. Подписался. Слово дал. И она обещала дать...

– И не дала?

– Да не в этом дело. Я думал, что это так, разговорчики. Какая на хрен коррида? Её уже нигде не проводят. Я в детстве в Ну-Энкоше несколько лет тренировался, хоть бы раз пригласили. А сейчас уже всё, уже форма не та.

– Понятно. А я, кстати, слышал, что весной планируют какой-то новый этап отборочный.

– Весной? Осенью! Не хочешь? Через неделю!

– Как через неделю?

– Молча. Вот прямо здесь, у нас. Ни подготовок, ни тренировок, один дурак, блин, на заклятие, гордость домена.

– Понятно. Решили приурочить к выборам.

– Не знаю ничего. Это всё няньки! Гады, ненавижу! Они

вырастили такую тварь, что прядский осётр – это малёк, ты понял?

– Тварь? Для морской корриды?

– Для убийства! Эти доходяги целый год с ней мудрили, гены-шмены-протеины. Всё лето нянчились, растили, массаж делали. Она спит под Корпусом няnek, в секретном бассейне, няньки ждут не дождутся её разбудить, ты знаешь, что тогда будет?!

– Почему ты так уверен, что тебе достанется именно эта тварь? Там же жеребьёвка.

– Ты дурак?! У няnek всё схвачено! Чинуш подговорили, исходы просчитали – всё, триндец! Жеребьёвка, мать её. Конечно! Да они только и мечтают со мной разделаться. Я им как кость в горле.

– Слушай, Ёвба, ты, конечно, извини...

– Что? Не веришь?

– Как тебе сказать? С трудом.

– Ну и м-м... молодец. А я вот поверил. Не тому.

– То есть? Ты о чём?

Ах, снова момент истины! Пружиню на ногах в полной тишине, отчаянно следя за попытками рыбака сомкнуть брови и прожечь мои ступни. Непробиваемая личность. Бесит, когда у людей такие пустые прихожие. Никакой предсказуемости. Слепые времена, возвращение традиций.

– Мы с Сонькой решили того... – наконец выдаёт он, изобразив колебательный жест тазом. – Прямо в Корпусе Няnek.

Да ночью, ночью, не днём. Ну что ты на меня смотришь? Нет на мне картинок, все забрали. И вообще это не моя идея. Я просто хотел вломиться да поотбивать им... аппаратуру. А наши сказали, типа, мне же потом достанется. Лучше унижить. А что? Она сама предложила. Она любит эти самые... приключения. Когда много мест, и поз, и вообще... Ну и это... ночью они всё равно спят, а утром... представь их рожи. Они же все нежные, как эти... прядь их, ненавижу!

– Та-ак... – заполняю паузу, экстренно пряча улыбку.

– Она не пришла.

– В смысле? Продинамила?

– Нет! Она вообще спала. Зато пришли няньки. Чего лыбишься? Когда такое было? Они спят до полудня. А тут это... оказывается, они привели какого-то чиновника от Федерации. Типа, инспектора. Всё ему показывали: подготовка, регламент, туда-сюда. А потом спустились в бассейн смотреть тварь.

– И как, ты её видел?

– Нет. Я вообще валить хотел. Просто со злости замешкался. Они меня и засекли. Ублюдки. Ладно бы прогна-ли, а то издеваться начали. «Наш лучший участник, мастер спорта!» За трицепсы щипали. Ну, я и не выдержал, ввалил им всем. И чиновнику досталось. Не знаю, что на меня нашло. Прямо... даже не столько из-за Соньки, сколько... не знаю. Мы с ней потом помирились. Вроде бы даже без переломов обошлось. Она всё клялась, что не назначала ни-

каких свиданок и вообще... не знаю, может, реально что-то в нохе попуталось. Но откуда мне было знать? Я и подумал на тебя. Или на друзей твоих. Кто ж ещё? Не первый же раз.

– И ты сразу решил задавить меня угнанным ведомственным транспортом?

– Да какой транспорт? Этой посудине давно на свалку пора.

– Да! Только свалка у нас с другой стороны леса. Но ты всё равно молодчина, шмякнулся так, что весь город разбудил. Как ты вообще выжил, герой генофонда? Или тебя потому и не наказали?

– Как это не наказали? Десять тысяч у. м. е., не хочешь?

– Сколько?!

– Сколько слышал. Мяти кучу отняли, кабинет обрезали, всех моих псов со стен посрывали. Голова как неродная уже третий день, даже с людьми нормально не созвонишься. Приходится пешедралом по городу.

– И ты так радостно об этом говоришь?

– А чего печалиться? Я их за месяц отработаю. А с соревнований меня того... дисквалифицируют. Так что сами обломались. Ничего, я им ещё покажу. Соберу наших, и ух как они у нас попляшут! Тонкие личности, прядь их, выюноши пугливые. Ничего, мы им так ввалим! Вон, как в позапрошлом году, помнишь, Серёгу такая же вот дрянь чуть руки не лишила, ух мы им устроили!

– А не наоборот было? Сначала устроили, потом лишила.

Молчу, молчу! Ты это, с огнём не играй. Лучше, вон, пожалуйся, – указываю в сторону площади.

– Да ну их. У моего кулака больше власти. Такие же няньки, только дорвались. Воображают себя главными. Им до простого народа как мне до дна. Вот придёт Клим Румян, тогда, я понимаю, будет толк. Он-то всю эту плотву сразу выкинет.

– Румян? Да он же вообще непроходной.

– Да что ты понимаешь, школота небитая?! Ты знаешь, что он говорит?

– Знаю, знаю. «Бывшие игрушки играют бывшими детьми», «Ужесточим Пакт о несоюзе», что там ещё?

– Ну, и где он не прав, где?

– Да какая разница? Об этом ныли, когда я ещё в школу не ходил. Даже избирались куда-то. Ну, и где они теперь, где? Сам говоришь, у кулака больше власти.

– Да ты... п-ф-ф!

– А Румян, да, хороший шут, полезный. Развлекает таких, как ты. И позорит, в качестве бонуса. Что он там, Орден одминов хочет ограничить? Или уже не модно? Теперь хит сезона: «Мы приказываем вам самораспуститься!»

– Вот именно! Ты что, не видишь, что творится?! Да мы все как псы, нас травят друг против друга! Брат на брата, муж на жену. А чужие вообще готовы перегрызться. Как собаки! А вам бы только хи-хи да ха-ха. Поколение дебилов. Ну что ты лыбишься?

– Ничего, ничего. Просто я... мне казалось, ты любишь собак.

– А я и люблю! Ты знаешь, что собаки служили в обороне Щепи? Знаешь, как это было? Как они голыми руками... зубами на оккупантов бросались? А в разведке – ты представляешь, какой у собаки нюх? В пятьсот раз лучше нашего. Они любую разведгуцу за километр чуяли. Враг не понимал: как так, всё отрезал, всё обрубил, а они живут! И бьют так, что не залижешь. Да мы должны были им памятник на главной площади ставить! А что вместо этого? Эх, имел бы я собаку...

– Кто тебе запрещает? Владыка Врахшт?

– Не смешно. Были бы с нами собаки, ух, мы бы тут такое устроили! Мы бы всех этих няnek и СРаМарей... Кстати, ты знаешь, что за год до падения СРаМа...

– Боюсь, что нет. Всё, Евбений, приятно было с тобой общаться, но у меня дела. Давай, выкарабкивайся. И держи себя в руках. А то опять попадешь в историю. Бывай!

Разворачиваюсь и ухожу, делая глубокий, довольный вздох. Надо остерегаться хорошего настроения. Столько гадостей сохнут по мне, а я даже с этим дуриком помирился. А вообще интересно, откуда между нами такая «любовь»? Как у кошки с собакой. Мы ж из разных миров, между нашими мозгами связей меньше, чем у лягушки в позвоночнике. Не говоря уже о возрасте. Ладно, катись он в... прошлое. Нагрузил меня. Даже добрый грузит так, что хочется плакать

о потерянном вектыре и прочих неудачах месяца. Дышать надо глубже. А думать меньше. Сейчас...

– Эй, Турбос, подожди!

– Что?

– Я почему тебя искал? Я спросить хотел. Это же твой отец Йон Рось? Ну, такой высокий, светловолосый, с бородкой.

– Ну.

– Он не говорил, что делает ночью в маяке?

– Ночью? В маяке?!

– Ну маяк заброшенный, там ещё комнатка такая, некоторые любят... короче, я там это... неделю назад Соньку пригласить хотел. Вот. А там он.

– Кто? Отец мой?

– Ну.

– И что он там делал?

– Не знаю. Тебя хотел спросить. Ты не подумай, я не из-за этого на тебя... просто планы он нам подпортил.

– Не понял, он там был с кем-то?

– Нет, вроде один. Ждал кого-то. Или искал. Под кроватью что-то проверял. В общем, нервный был. В смысле, беспоконный.

– А ты что?

– А что я? Я даже заходить не стал. Вроде мужик серьёзный, как-то... ну, надо – значит надо. Просто не хотелось бы в следующий раз мешать друг другу.

– Слушай, Евбений, мне он ничего не говорил. И вообще

не помню, чтобы он любил эти ваши причалы. Это точно был он? Ты прихожую видел?

– Ну, ясен пень. Что я, дурак? Йон Палыч Рось, шестьдесят девятого года. Правильно?

– Правильно, – вздыхаю я.

– То есть ты не знаешь?

– Нет.

– Понятно. А спросить можешь?

– Он сейчас занят. Как освободится, спрошу.

– Спасибо.

Он хочет сказать что-то ещё, но то ли челюсть устала, то ли разум занемог, а может, и реально говорить нечего – в общем, худший финал беседы придумать сложно. Лучше б он взбесился. Хоть расстались бы на скорости и не жалея. Всё настроение заляпал. Я-то тут при чём? Я своих родителей не женил, почему я должен отдуваться за их личную жизнь? Может, мне ещё маме рассказать?

Нет, так разговоры не завершают. Оборачиваюсь с целью высказать его довольной роже всё, что я реально думаю о политиках, собаках и чужой частной жизни... но довольной рожи нет. Осталась просто рожа. Я бы даже сказал, маска. Её хозяин массирует себе голову повыше левого виска, а потом разворачивается и уходит. И до меня опять как до жирафа доходит, что смотрел он не на меня, а мимо.

– Рассказать... не видишь... а чайку-то вот... молодые...

давай вон там... любила, конечно... а вот таким вот...

Пожилая женщина стоит у крыльца и голосит на закрытую дверь. Ну, как голосит? Причитает. И как пожилая? Лет семьдесят. Правда, выглядит так себе, даже на уровне прихожей. Блёкло, рвано, и явно не потому, что сама так захотела.

– А ты гром... да что дети... политика в силу... и тебе помыть... вчера звери...

Она говорит, безусловно, слова. Слова даже соединяются в кое-какие фразы, и гостиная ищет смысла в рабочем порядке, вот только уши раскаляются вовсе не от жары.

– Здравствуйте! – говорю чётко и бодро, как учили. Я же сегодня хороший. Добрый и вежливый.

– Ой, здравствуй. Это ты? – говорит женщина.

– Это я.

Ах, как же здорово, когда люди понимают друг друга!

– Как ты вырос. Что-то давно тебя не видно. И твои в гости не ходят. Как, у вас там всё в порядке?

– Всё в порядке.

– Хорошо. А я вот... – бабушка кивает на крыльцо и продолжает таким вот занятым образом: – А прибежит... но ссорами-то... приютить себе на... холоднее... да не было... домик-то какой...

Жмурю глаза, чтобы не видеть. Кто бы мне уши зажмурил? Кто бы ношик загородил? Словесный салат! Даже в слепые времена это считалось болезнью, бедой, инвалидностью... и поводом посмеяться для долбаных древних счаст-

ливцев. *Рокыр в пукытым!* Я уж думал, что в нашем тесном мирочке всё налаживается. Что ж ты делаешь, бабуля, у тебя ГЭ сто сорок три процента и на меня перекидывается!

– ...Со многими... сидит он... не жарко... забыла... не забыла...

Вопреки видимости, она не спорит с крыльцом. Она мечтает взойти на него, потому что это её крыльцо. И дом её. Но что-то ей мешает. Впрочем, гадать не приходится. Даже попятиться не успеваю. Открывается дверь, и выходят две бороды, не лишённые тел и аппаратуры при них. На этот раз, помимо живота, на каждом поясе висит какая-то тара. У тары есть то ли шланги, то ли щупальца, но память пасует перед их видом и не находит ничего лучше, чем выудить из дальних далей картинки старинных ручных пылесосов.

– ...Рвёт себе... а новый... погубят... больно... зачем... пальчики!

Интонация дамы меняется с причитающей на призывную. Одмины подходят к женщине с боков и закрывают её от меня. Уровень ГЭ стабилизируется где-то недалеко от критической отметки. Раздаётся невнятный стон с нотками удивления, плавно переходящий в комфортную, сертифицированную тишину.

День четвёртый

Сохранность 87%

– Мыло! Ты добрался! Ну, герой, дай пожать твои верховные пальцы! А я уж думал, что-то стряслось.

– С кем? Со мной?!

– Ну не со мной же! Говорят, рыбы снова кусаются. Помнишь этого... Серёгу, или как его?

– А, искромётный лакунный юмор? Узнаю! А что это тебя на рыбу потянуло? В рыбаки подался? Или в няньки? А? Хах-ха-ха!

Обнимаемся и жмём друг другу руки.

– Ну ты ряху себе отожрал! – говорю я. – Понятно, почему няньки свою живность вооружают. Ты ж их всех поедаетшь ещё на берегу, другим не остаётся.

– Вот только не надо завидовать. Давай, лучше рассказывай, как докатился до любви к морепродуктам. Или ваш завод разогнали, и тебе есть нечего?

– Мечтай-мечтай! Наш завод ещё такое выдаст, что Сидабринис Остас пожухнет!

– А, ну да, вы тут процветаете. Признавайся, *ты* Марко де Лукво заморил? О вас уже весь мир гавкает. Скоро туристы понаедут. Ещё у вас зонд какой-то незаконный обнаружили...

– Вот, видишь, сколько ты пропустил? А ещё у нас морскую корриду возрождают. Только тс-с-с-с!

– Подумаешь, морская коррида. Лучше про выборы расскажи. Клим Румян – это твой псевдоним?

– Нет, он мой ставленник. Давай, не стой на пороге, Пашок уже ждёт.

– Пашо-о-ок!

Парни мощно смыкаются руками, не озвучив ни слова. Вы что, через белую комнату? А не обнаглели без меня?

Пашок, уже не один час, как приехал. Он почти не изменился, только раньше казался взрослее, а теперь в самый раз. Такое же удлинённое лицо и высокий лоб, где вдоволь места для интеллектуальных морщинок. Он и сейчас ими пользуется, как настоящий мыслитель. Расстояние в полземли для его мозгов уж точно не помеха, но даже он в своём телесном облике выглядит расслабленным и сияющим, будто секунду назад добежал первым до финиша.

Мы вталкиваемся в двери, словно с ноги выбивая целую стопку холодных, колючих месяцев. Месяцы катятся в прошлое со скоростью секунд. Яна встречает нас с бутылкой дорогого вина по древней рецептуре из слепых времён. Она держится молодцом. Да что там – её маленький ротик чудом не взрывается от смеха, и мне откровенно до лампочки, какими упоротыми идиотами она видит нас в эти славные мгновения. Эти мгновения мы все заслужили. Это, чтоб знали, называется жизнь!

* * *

– Дай сюда руку, – полушёпотом говорит Яна, смотря на меня как-то непривычно, снизу вверх, хотя она не намного меня ниже. – Открой кабинетик.

– Что это?

– Иннерватор.

– Да ты что! Никогда не слышал.

– Не верю. Тебя всегда тянуло проникнуть туда, где даже палец не засунешь.

– Это у кого же так? Эм-м... я хотел сказать... а что это? Это железа?

– Да, это железа. Железа внешней нервной системы.

– Нервной системы? Что это такое?

– Славик!

– Да шучу я. И как ей пользоваться?

– Очень просто. Прислоняешь пальчик и держишь. Когда нервы прорастут, ты почувствуешь всю структуру предмета как свою кожу. Нервы, кстати, очень хорошие, тонкие, проникают в такие поры, что не всем бактериям под силу. К тому же универсальные, специально выбирала: чувствуют температуру, электричество, вибрацию, химию почти всю – там куча веществ, потом в инструкции считаешь – и всё это в динамике, три герца.

– Три герца? Это ведь много?

– Это мало, но тебе хватит. Ты всё равно на уровне кабинета не осилишь более напряжённый темп.

– Понял, я тормоз, спасибо за откровенность.

– Да нет, я имела в виду...

– А, подожди, то есть я могу, например, кому-нибудь в ухо...

– Ни в коем случае! Только неживые предметы.

– А что будет живому предмету?

– Ну, его настоящие нервы будут конфликтовать с твоими искусственными, а это чревато.

– Жалко, – говорю я. – В смысле...

«В смысле, в топку такой *пэркыён*», – язвит Мэмыл.

– В смысле, спасибо большое.

– Только не забывай, что нити тонкие и нежные, как паутинка, поэтому, пока принимаешь образ, не дёргай пальцем, а лучше зафиксируй всю руку. И наберись терпения: нервы растут от двух до десяти минут.

– Как быстро! Я и думать-то не успеваю.

– И не забывай отключать орган до того, как отрываешь палец. Это не критично, но может быть неприятно. Та же боль, только на искусственных нервах...

«Ы-гх-х...» – хрипит «от боли» Мэмыл на заднем плане.

– И не удивляйся, что после сеанса он сразу не заработает. Нужно время, чтобы синтезировать новый запас ткани. Минут пять-десять. Тут уже зависит от твоего организма.

– В смысле? Мне, что, теперь питаться как Мэмыл?

– Нет, ну почему же...

– Мужайся, Славик, – воет Мэмыл уже в голос. – Оно выжмет из тебя все соки! Закатает в паутину, и придётся звать на помощь... – кивает на Яну. – ...Техподдержку. И исполнять все её постельные фантазии.

– Мыл, заткнись! – ворчу я.

– Чуть не забыла, – выговаривает Яна. – Память читает. С любых молекул, – придиричиво осматривает мою кисть. – Всё. Ещё часок, и можешь пользоваться. В общем, Славик, ещё раз поздравляю тебя с днём рождения, желаю тебе счастья и чтобы твой иннерватор приносил много радости и пользы.

Она обнимает меня одной рукой. Довольно крепко. Или это от скованности? И только отступив, поднимает взгляд, какой-то чуть более вкрадчивый, чем положено по церемониалу. Я же опускаю глаза на свои руки и вижу руки, как ни странно, свои. Обычные руки, с пятью пальцами и пятью ногтями на каждой.

– Что там у тебя? – выкатывается Мэмыл. – Паучьи жопки? Дай посмотреть!

– Нет никаких жопок.

– Как, совсем никаких? Ян, переустанови ему, он отмороженный, до него не дошло.

– Всё дошло, – отвечает Яна ледяным тоном. – Сам ты... жопка.

– Не завидуй моей жопке!

Пока Яна пытается не выйти из себя, Мэмыл занимает её место.

– Ну что, именинник, готов к настоящим подаркам? Если не готов, скажи сразу, я тебе шапку подарю. Зима близко.

– Давай, не темни. Что ты там жмёшься? В каком месте у тебя там подарок?

– У меня-то в руках. А вот у тебя где оно кажется, зависит от твоего мужества. Короче, Славик, мы с тобой знакомы уже много лет, и все эти годы... Ян, специально для тебя, ты же любишь, когда всё прилично. Вот, и все эти годы наш – да, уже не юбиляр, увы – был нам самым верным другом. Он держался до последнего, но даже его не пощадило время. Мир понёс огромную утрату. Да, малой, твои пятнадцать лет, как и наши, больше никогда не вернуться, а твои четырнадцать лет вообще сгнили в канаве...

– Не зарывайся.

– Но, даже сгнивший в канаве прошлого, ты неизменно крут и ядовит. Я желаю тебя оставаться таким же. Мой подарок – это концентрат твоего характера. Как говорится, от наших тёплых краёв вашим... почти тёплым краям. «Ноанама-Чоко»! Держи раз. Держи два.

– *Гырголвагыргын*, это же настойка, на этом, как его...

– Батрахотоксине, – подсказывает Пашок.

– Во-во! – одобряет Мэмыл. – Не пробовали? Небось, крепче метанола ничего даже не нюхали? Давай, какую бутылку вскрываем? Эту или эту?

Собираюсь ответить, но меня снова перебивает Пашок:

– Да ну, *пэркыён*. Метанол круче.

– *Кыяй* тебе в *емьк*! – негодует Мэмыл. – Фуффло доисторическое твой метанол. Тот же этиловый спирт, только половина плюшек урезается ношиком.

– А этиловый не урезается? Да в слепые времена от него голову сносило похуже, чем от ра...

– Да что ты понимаешь?! Мой дядя все эти напитки литрами...

– Ладно, ладно! С тобой полезнее один раз подраться, чем семь раз поспорить. Так что давай, готовься, вечером на руины пойдём.

– Ха, нашёл, чем пугать!

– Между прочим, батрахотоксин поднимает уровень ГЭ. Процентов на десять. А это, знаешь, в лакуне, да ещё с одминами, которых тут больше, чем чаек, если верить имениннику...

– Кстати, да, – вступает в разговор Яна. – Это у вас там, в Латинской Америке, всё разноцветное, и можно смеяться до упаду, а здесь одно неудачное слово может...

– Ей, пожалуйста, две рюмки без закуски, – повелевает Мэмыл, – За самоотверженность в деле спасения наших душ и узлов.

– Мэмыл!

– Ах, Ян, прости. И за красивые глаза.

– Славик, может, ты им напомнишь, что такое лакуна

и что в ней может случиться? О чём мы вчера говорили?

– Да, о чём вы вчера говорили? Колитесь! Ох, именинник, кажись, побледнел. А, нет, покраснел. Слушайте, *щамьки*, у вас тут интереснее, чем я думал!

– Мэмыл!

– Да я шучу! Что вы все как огрызки? Славик, так будем пить или нет? Решай!

Ах, прямо чувствую себя верховным одмином. Нет, скорее, зотом Врахштом, палачом узурпаторов. Я повелеваю... прядь твою налево. Отчего-то становится досадно и грустно. Вот, значит, какие судьбы мира мне решать? И даже здесь колышусь, как тряпка. Вон, уже одмины вылезли, пока ещё вымышленные, но уже встают на сторону Яны и Пашка. Машут указательными пальцами. Да пребудет со мной разум. Да пребудет со мной устойчивость. Какие могут быть сомнения?

– Давай, Мыло, разливай своё ГЭ, будем творить хаос!

Потому что надоело всё.

– Ян, не дуйся, ну в самом деле, это просто водичка. Давай с нами!

* * *

– Нет, Мэмыл, с боевой гущей не связываемся. Отец вообще раньше не признавал гущу. Только традиционный спорт. Сам боксом занимался. Да и сейчас только спортивка, – го-

ворит Пашок.

– Ну и зря. На боевой, говорят, больше навару.

– Навар тот же, а вот рисков, да, вдвое больше. Это не считая официального запрета. И вообще, там столько мухлеза, что честному букмекеру проще бросить всё и в карты проиграться. Хоть мороки меньше.

– Что ж вы так? Вы же умные люди. Придумали бы что-нибудь.

– Мяти одолжишь? Попугаев этак сто тысяч. А лучше двести, чтобы уж точно, с гарантией.

– Да ну тебя!

– А ещё это физически опасно. Тут как раз на днях доигрались подпольщики. Вроде боец был опытный, и противник не кровожадный, а под конец раунда, видать, ошибочка в вычислениях, и порезало *щамыка* на пятьсот двенадцать ломтиков. Ровненько так, по сто пятьдесят грамм каждый.

– *Кыяй в пукытым!*

– Это ещё не всё. Говорят, соперник его как раз в этот момент за руку взял. Вроде как встать помогал, или что-то вроде.

– И что? Руку отрубило?

– Хуже. Он был в таком шоке, что только через полчаса разжал кулак. А в кулаке... да, один или два ломтика. Как раз недостающие. Причём рука вообще не пострадала. Вот тебе и боевая гуша.

– Ах-ха-ха! *Щацагты!* А, представь, мутишь такой с дев-

чонкой, сунул ей, и тут тебя хрясь...

– Уйди от меня, пошляк!

– «Девушка, почему вы такая грустная? – М-м-мне что-то мешается».

– Прядь!

– Молчу, молчу! Что ты как этот? Давай, дальше рассказывай. Какие у вас там ещё ржаки?

– Во-первых, не у нас. Во-вторых, делать мне больше нечего...

– Да ладно, не артачься.

– Хорошо, специально для тебя поучительный пример. Как раз на днях одну лавочку накрыли, так этот идиот решил своё наночудо что? Правильно, эвакуировать. Как он сказал, не пропадать же добру.

– И что?

– Применил релятивистский форсаж.

– Ре-ля...

– Давай, Мэмыл, выговаривай, я верю в тебя.

– Хватит умничать, говори сразу, кто как умер.

– Никто никак не умер. Трех облучило. И ещё там что-то погорело от электричества.

– Какого электричества?

– Ну, не знаю, ионизация, все дела. Хорошо, ещё стены были толстые.

– А что гуща? Эвакуировалась?

– Я же говорю, стены были толстые. Хотя вроде бы ямка

осталась оплавленная.

– Не, это неинтересно. Вот если бы он в чью-то голову...

– Слушай, Мыл...

– Да что ты разнылся?!

– Нет, ты послушай. Я просто хочу у тебя спросить как у специалиста. Вот ты смеёшься над *пылкэтыком* – ладно, хорошо, смешно. Но зачем самому-то лезть на посмешище? Зачем грустить над собой, если можно смеяться над другими? Нет, я понимаю, что нам без дураков не прожить, по-прём со скуки. Но у них-то какой мотив?

– Чёрствый ты человек, Пашок. Никакой романтики. Между прочим, павших в бою, говорят, сам архиодмин провозжает в чертоги Цхода.

– Мэмыл, Цхода не существует. Ноосфера – одноранговая сеть.

– Прядь!

– И архиодминов не существует.

– Кто же у них там наверху, правит всем Орденом?

– Мэмыл, хочешь загадку? Какой ответ самый позорный для тупицы и самый обыденный для умного?

– Какой?

– Я не знаю.

– Ты не знаешь?!

– Это ответ на загадку.

– *Куймук-рыпэтык!* Ты меня доконаешь.

– Хочешь поквитаться? Приезжай, устроим спарринг.

– Иди в баню! Эта ваша спортивная гуща скучна, как твоя пятка. Там же всё урезано.

– Где урезано? Ты бой на титул видел хоть раз? Там такие выкрутасы, что не знаешь, то ли сам видишь, то ли спецэффектов под глаз накачали.

– Всё равно без демонов неинтересно.

– Без демонов точно так же, как с демонами, только рентабельно. Ты же глазом всё равно не отличишь тридцатую итерацию от десятой, а уровень самоорганизации, сам посчитай, во сколько больше. Ну зародится слизняк, ты его даже не различишь во время боя, зато потом убивать замучаешься.

– А зачем его убивать? Это же не ра... не это самое. Не в ношке.

– Нет, ты всё-таки тупее, чем кажешься. Ну и что, что не в ношке? Гуща – штука дорогая, её на следующий бой должно остаться хотя бы две трети, а то разоришься. А ты попробуй, если она тебе не подчиняется.

– Почему не подчиняется?

– А не хочет. Умная стала. Сама кушает, сама обороняется, и плевать хотела на хозяина. Но ты не обольщайся, даже такое происходит редко. Для этого силы должны быть уж очень равными. Чтобы не могли друг друга убить, но постоянно делали друг друга сильнее. Понимаешь?

– Ну-у...

– Нет, бывают, конечно, такие самородки, что и хозяев со-

жрут, и на улицу полетят охотиться, но это, я не знаю, может, пару раз случалось, и то не факт – я скорее поверю, что это диверсия, а не какая-то там эволюция.

– А мы тоже гущу проходим, – это я вставляю ремарку; нет, скорее, встречаю в разговор не самым умным образом. – Только эту, как её...

Хотя чего я стесняюсь?

– Слушай, Пашок, а что с тем, ну, кого порезало на кусочки? Это считается горячая смерть?

– Нет, конечно. Холодная.

– А как же он успел? Ну, завершиться. Корректно.

– О, ну там свои заморочки. Всякие внешние буфера, дифференциальное предсказание... кстати, вот тоже почему мы этим не занимаемся. Издержки, издержки и ещё раз издержки. А что это тебя, Славик, потянуло на *одминистративные* темы? В Орден поступаешь?

– Чего?

– Ничего. Действительно, бред сказал.

Пашок качает головой, усмехается по-простецки, как будто ничто его не потревожило в моём вопросе. Далее с таким же безоблачным видом уже во всём теле, он встаёт и говорит:

– Друзья мои, я ведь забыл поздравить именинника.

Конечно, забыл ты. Просто у тебя особая программа. Ну, давай, не томи.

– Турбославище! Дружище! Все мы знаем...

– И ты туда же? Давай уже, без церемоний.

– ...Все мы знаем, что мой отец держит букмекерскую контору, и, кстати, очень неплохо держит. Но ремесло это непростое. Каждый мечтает выиграть вопреки правилам и теории вероятностей, а некоторые даже зарабатывают на этом. Ведь ноосфера предоставляет много окольных путей, даже не буду их озвучивать. С другой стороны, ношка нам и помогает. Помогает, например, исключать определённых личностей уже на подходе. Личности, конечно, исхитряются, придумывают новые способы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.